

ИРИНА РИКАС

Девочка плачет...

Ирина Рикас

Девочка плачет...

«Э.РА»

2018

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Рикас И. Н.

Девочка плачет... / И. Н. Рикас — «Э.РА», 2018

ISBN 978-5-99062-243-2

Иван Ершов, известный как Ванька Ёрш, и итальянка Орнела Бонисетти жили как будто на разных планетах. Самое прогрессивное государство мира-Советский Союз-и Италия – страна, как известно, далекая и мучительная – отличались друг от друга больше, чем планета Марс от спутника Луна. До поры дорожки их судеб шли каждая в своем направлении. Вернее, это у Орнелы была дорожка: неудачное замужество, вечерняя школа для взрослых, ребенок в приюте... А Ванька-то, конечно, шел прямой широкой магистралью: закончил один из лучших ВУЗов страны, был полярником, занимался наукой, сделал перспективное изобретение, – одним словом, был из тех, кем страна могла по праву гордиться. Так бы каждый и шел своей дорогой, если бы жизнь не развернула их судьбы, беззлобно и равнодушно, как играющий ребенок: он сталкивает одну заводную машинку с другой, любопытно ожидая, какая поедет дальше, а какая – перевернется вверх колесами. Дороги Ивана и Орнелы столкнулись, переплелись, сбились в неразделимый ком из противоречий, страстей, денежных интересов, ненависти, любви – подобно выброшенному приборам на морской берег, просоленному и сросшемуся в одно неразделимое существо, клубку из обрывков старых морских канатов.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-243-2

© Рикас И. Н., 2018

© Э.РА, 2018

Содержание

Часть I	7
1. Ванька	7
2. Отец	11
3. Нина	14
4. Дитя	16
5. Нева	20
6. Мирабела	24
7. Анька	28
8. Адриано	31
9. Амдерма	35
10. Педро	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Рикас

Девочка плачет...

© Рикас И. 2018

* * *

*«Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит...»*

Б. Окуджава

В тени, ближе к голым кустам еще чернеют последние апрельские клочки сбившегося мокрого снега, но боковая дорожка старого кладбища расчищена и посыпана свежим мокрым песком. Песок поскрипывает под колесами инвалидного кресла, которое толкает перед собой мужчина. Он почти седой, но видно, что до старости ему далеко: прямая спортивная фигура, широкие сильные плечи. Глаза спрятаны за темными очками, складки от уголков губ – вниз. В кресле женщина. Худенькая, с короткой стрижкой. В руках у нее сумочка, цветы. Дутый пуховичок виден до пояса, ноги укрыты толстым грубым пледом. Они негромко разговаривают. Она спрашивает:

– Что же ты теперь, в суд подавать будешь?

– Где, как? – отвечает он. – Там или здесь? Здесь у нас вряд ли что-то из этого выйдет.

Там – тем более.

– Почему?

– Не мне тягаться с такой акулой.

Они молчат. Потом женщина говорит:

– Знаешь, ты прав. Надо все это оставить в прошлом, как будто ничего не было.

– Ну да, – отвечает он. – Как будто жизни не было...

Часть I

1. Ванька

Ванька и Анька сидели за одной партой с четвертого класса. Вышло это так. В самом начале учебного года в школе пошли слухи, что началась эпидемия педикулеза. Четверо-клашки, конечно, слова такого не знали. Просто знали, что – вши. Кто-то кому-то объяснил, ну и все стали знать, что стригут налысо и вонючим мылом моют.

Однажды Анька пришла в класс, подстриженная «под ноль». Дома она плакала, просила мать хоть недельку «поболеть», не ходить в школу бритой. Думала, за неделю обрастет. Все зря. Мать повязала ей платочек, и Анька пошла в класс. Села на свое обычное место, за третьей партой у окна.

Подружка Лизка, которая с Анькой с первого класса за одной партой сидела – красивая, с пышной копной рыжих волос – увидев Анькин платочек, фыркнула, вскочила, сгребла свои вещи и пересела на другой ряд. Анька опустила голову, залилась краской вся: ей казалось, даже пятки покраснели. Мальчишки сзади заржали.

Вдруг Анька услышала, как шлепнул ранец о парту и кто-то сел рядом. Она скосила глаза, посмотрела осторожно, не поднимая головы. Ванька Ершов! Он уж вытащил свои книжки, тетрадку, пенал – видно, собрался здесь сидеть. На Аньку он не смотрел, деловито раскрыл тетрадку и, макая ручку в Анькину непроливашку, старательно начал выводить: «Десятое сентября. Классная работа». Прозвенел звонок. Все захлопали крышками парт, вскочили, затихли.

Вошла Евдокия Павловна:

– Здравствуйте, садитесь, ребята.

Коротко простучали парты, все сели. Ванька тянул руку вверх.

– Что ты, Ершов? – спросила учительница, хмурясь. – Почему не на своем месте?

– Евдокия Павловна, я плохо вижу с заднего ряда, – сказал громко Ванька. – Можно я с Кричевской буду сидеть? Я уже спросил Смирнову. Она согласная.

– Надо говорить «согласна», – произнесла учительница, всматриваясь в Анькину косыночку. – Хорошо, Ершов, разрешаю... но смотри, до первого замечания! Будете болтать – сразу рассажу.

Ванька и сам не знал, зачем он сел с Анькой. Просто, когда Смирнова выкатилась из-за парты, и пацаны заржали, он... ну просто вскочил и сел с Кричевской. Сам не знал – зачем, просто вскочил и сел. Вроде что-то сдуло его с места. А у него всегда было так: в драку ли броситься, кошку с дерева спасти или помочь кому-то – его как будто вихрь подхватывал, и он уже не думал. Он ее, Аньку эту, и не замечал никогда. Чего ее замечать: писклявая, маленькая, нос вечно на мокром месте, на физкультуре почти последняя. Очки, косички тоненькие, серенькие... и те – были.

В тот же день на четвертом уроке, – пения, когда строгую Евдокию Павловну заменил добрый Сем Семыч, физрук, он же трудовик, он же завхоз, умевший немного на баяне, – Ванька почувствовал тычок в спину и протянул руку назад. В ладони оказался комочек бумаги. В записке были нарисованы каракули, обозначающие девчонку и мальчишку, которые палочками-руками держались друг за друга, и обидная надпись: «тили-тили тесто, жених и невеста».

Ванька повернулся назад, погрозил кулаком – не кому-то, а так, вообще. Ванька Ерш был такой парень: мог и ударить. Почти выше всех в классе, третьим на физкультуре стоял. Отжимался он на кулачках тридцать раз легко, и на брусьях тоже мог. Так мог, что, казалось, в нем и веса нет совсем, вроде как птица порхает.

На следующее утро, войдя в класс, он по привычке пошел к своему месту в последнем ряду. Но вспомнил, резко обернулся, посмотрел на Анькину парту и увидел, что Анька, как мышонок из норки, блестящими, огромными на ее маленьком личике бусинами смотрит на него из-под своего платочка, как будто ждет. Ванька вразвалочку подошел, бросил на парту ранец:

– Привет, Крича. Пример получился?

– Да, получился, а у тебя? – тихо, ручейком прожурча-ла Анька.

– Молодец, Кричевская! – похвалил Ванька и стал доставать свои тетради.

К Новому году все забыли, что когда-то Ерш сидел не с Кричей. Ванька и сам забыл. Казалось, что он почти не замечает ее. Но на физкультуре, когда играли в баскет или в вышибалы, или на шумной перемене, когда все носились, как угорелые, он нет-нет, да и находил глазами Анькин затылок с отросшими белесыми, с белыми бантиками, крошечными хвостиками: как она там, цела? Не обижают ее?

К новогоднему утреннику их четвертый, выпускной из начальной школы, класс по школьной традиции должен был ставить спектакль. Выбрали «Зайку-Зазнайку». Вернее... Евдокия Павловна сказала:

– Предлагаю пьесу «Зайка-Зазнайка».

Ну они и выбрали. Готовиться начали еще за месяц. Все уроки чтения и «внекласски», все классные часы читали по ролям и разбирали пьесу. Наконец однажды, на классном часе, который всегда бывал последним уроком, Евдокия Павловна сказала:

– Ну вот, ребятки, теперь вы все знаете пьесу, каждый может сыграть любую роль. Давайте теперь решим, кто какую роль будет исполнять.

Поднялся шум, все хотели быть Старым Зайцем, или Волком, или Лисой. Тогда Евдокия Павловна, которая с каждым своим выпуском четвероклашек ставила эту сказку, достала заранее приготовленный список и зачитала роли. Ваньке достался Волк. Неплохо! Учить не так много. И песня есть. Ванька представлял себе, как он, щелкая зубами, будет петь: «Я в кустах сегодня рано съел рогатого барана...» Аньке достался Третий Зайчонок. Самая завидная роль, Рыжая Лиса, досталась Лизке Смирновой. Конечно, она – красивая, и волосы рыжие.

После урока ребята погалдели еще немного и стали расходиться. Ванька проскакал вниз по лестнице, забежал в спортзал узнать, будет ли вечером тренировка по баскету, и отправился в раздевалку. У начальной школы была своя раздевалка, отделенная от больших высокой, Ваньке почти до лба, деревянной загородкой. Пальто и куртки висели на вешалках под номерами: у каждого – свой. У Ваньки был номер 4а-8, это значит: класс – четвертый «а», вешалка восьмая. У Аньки – 4а-11 – почти рядом с Ванькиной.

Ванька увидел, что Анькино пальто и мешок на шнурке, в котором Анька приносила сменку, еще висят на вешалке. Из мешка торчали Анькины маленькие, с облупленными носами, сапожки на боковой шнуровке. Ванька удивился, ведь девчонки все ушли. Он стащил с вешалки свои вещи, достал из мешка черные, на резиновом ходу, валенки и сел на длинную лавку, стоявшую вдоль стены, чтобы переобуться.

Тут ему показалось, что он слышит тихий писк, или даже не писк, а как будто поскуливание. Ванька огляделся – никого. Заглянул под лавку – нет, писк не оттуда. Он прислушался. Писк доносился из-за загородки. Ванька ухватился руками за верхний край загородки, подпрыгнул и подтянулся к краю, упираясь ногами. Он увидел, что в углу раздевалки старшеклассников, в закутке между лавкой и стеной, сидела, скрючившись на корточках и уткнув лицо в колени, Анька Кричевская. Анька редела. Ванька спрыгнул, обошел вокруг загородки, вошел на половину старшеклассников и подошел к Аньке.

– Кричка, чего реवेशь? – спросил Ванька тихо.

Анька не подняла головы, а как-то еще больше съежилась и заскулила громче. Ванька стал мяться с ноги на ногу. Он не знал, что делать. Был бы перед ним пацан, он бы пихнул его, посмеялся бы, или еще что – уж было бы ясно, что нужно. А тут?

– Кричевская, что случилось, скажи, – опять спросил Ванька и, неловко ухватив Анькину руку, потянул, пытаясь открыть ее лицо. Анька дернулась, пошатнулась, но не упала, а только заревела еще больше.

– Ну ладно, не хочешь – как хочешь. Ревит тут одна. Сейчас старшикі придут, а ты здесь. Думаешь, понравится им? Вмажут тебе! – Ванька совсем не знал, как заставить Аньку замолчать, но и уйти не мог. Как-то нехорошо у него было внутри от этих Анькиных слез. Так бывает, к примеру, с ненадежным зубом: еще не болит, но уже знаешь, что скоро заболит.

– Аня, ну скажи, чего сырость развела?

Анька вдруг замолчала, как будто то, что он назвал ее по имени, подействовало. Она подняла голову, потерла глаза и щеки маленькими кулачками.

– А ты никому не скажешь?

– Конечно, нет, что я – дурак?

– Лиса-а-а, – протянула Анька, снова начиная реветь.

– Что – лиса? Да Анька же, перестань выть, а то уйду!

Заикаясь и всхлипывая, Анька, наконец, объяснила, что мечтала получить роль Лисы, а вовсе не Третьего Зайчонка.

– Анька, ну ты чё, совсем?.. Ты ж маленькая, какая из тебя Лиса?

Анька опять залилась слезами, причитая:

– А Лиса что, большая?! Лиса сама меньше собаки! И я все слова знаю, и... у нас хвост настоящий! – и Анька еще пуще завывала. Ванька ухватился за ее плечи, потряс:

– Какой еще хвост? Ну Анька, харе реветь! И потом, Евдокия правильно Смирнову назначила, у нее волосы рыжие.

– Волосы – это ничего. Ты костюм Лисы видел, когда в прошлом году театр про Кота Котофеича показывали? – вдруг быстро заговорила Анька. Ванька молчал. Он был рад, что она хотя бы плакать перестала.

– Там маска лисья на лицо, – начала быстро объяснять Анька, – и шапка рыжая плюшевая с ушами торчком, так что ни волос, ни лица не видать, и рукавицы черные до локтей. А здесь – только юбка и кофта. Даже хвоста нет! А у моей бабушки хвост есть рыжий, меховой, от настоящей лисы. Я, может, еще с прошлого года мечтала, и все слова выучила.

– Что ж ты, дура, Евдокии это все не сказала, когда роли раздавали?

Анька на это только вздохнула порывисто, уставилась в пол. Ванька подумал немного, потряс Аньку за плечо:

– Ладно, Анька, погоди. Я, может, что-нибудь придумаю.

– Что ты придумаешь... – вздохнула Анька тихо.

– Что-что... добуду тебе Лису! Не реви только, ясно?

– Как добудешь?

– Как, как! Перекак! Увидим. Одевайся, идем. Мне домой надо, а то, если я запоздаю, мои преды в школу побегут узнавать, где я.

На следующий день на большой перемене Ванька подошел к Лизе Смирновой:

– Слушай, Смирнова, в кино хочешь ходить бесплатно все каникулы?

Лиза так удивилась, что даже вообразить забыла:

– Конечно, хочу, а как?

– Как-как? Перекак! А книжку хочешь? «Остров сокровищ», в двух частях? Большую, с картинками?

– Ты что, Ершов, с дуба упал? Чего тебе надо?

– Смирнова, я тебе книжку насовсем отдам, мне на день рождения подарили. Совсем новая! И абонемент принесу на кинолекторий. Но обещай, что сделаешь, как скажу.

– Еще чего захотел! Сначала скажи, чего тебе надо.

– Да ничего особенного. Просто откажись Лису играть, вот и все.

– Чего-о-о захотел! – протянула Смирнова. – Какой умный! Но потом подумала и сказала: – А что это за кинолекторий такой?

– Ты что, не знаешь? Это классная вещь! Кино смотришь бесплатно все каникулы. Три раза в неделю! Люди, прикинь, ночью в очереди стоят, чтобы абонемент купить!

Ванькины родители оба работали в Эрмитаже, и еще в начале ноября отец принес ему абонемент на январский детский кинолекторий.

– Слушай, Ершов, а зачем тебе, чтобы я от Лисы отказалась? – задала, наконец, Лизка вопрос, которого Ванька боялся больше всего.

– Понимаешь, Лизка, я с пацанами поспорил. Только это – секрет, – начал Ванька подпускать туману.

– Какой секрет? Скажи! – заинтересовалась Смирнова.

– Да как сказать... вообще-то ничего особенного. Просто мы на коньки поспорили. Дурак я, сгоряча ляпнул. А теперь, думаю, впарят мне преды за коньки, если отдать придется. Новенькие конечки! Да и вообще. Зимы еще – вагон, а я без коньков! – одним духом выпалил Ванька и цепко взглянул в лицо Смирновой, пытаясь понять, поверила ли.

– Да что за спор-то?

– Они сказали, что, раз ты самая красивая, то Евдокия тебя на Лису назначит.

– Ну а ты? – поторапливала Смирнова, довольная, что Ванька ее красивой назвал.

– А я сказал, что не назначит, потому что Лиса не должна быть красивой, раз она отрицательный персонаж. Ну и вот, поспорил. Конечно, кино и книжку тоже жалко, – изображая сомнение, проговорил Ванька, – но коньки – за них мне точно влетит.

– Ну ты, Ершик, даешь! А что, правда, что Лиса – это... ну, отрицательная? – недоверчиво проговорила Лиза.

– Ну конечно, а какая же она! Ты сказку-то читала? Видала, сколько там слов в Лисе? Прикинь, это все наизусть учить придется! – нажал Ванька.

– Ой, правда. Я даже не подумала! – Лиза с досадой поджала губы, потом потрянула рыжей гривой: – Ладно, Ершов. Завтра покажешь книжку и этот... – Она запнулась, потом выговорила скороговоркой: – абонент, понял?

Полдела было готово. Ванька не сомневался, что Лизка не устоит, когда увидит «Остров». Теперь надо было уломать Евдокию Павловну, учительницу.

После уроков Ванька набрался храбрости и постучал в «Учительскую». Евдокия Павловна удивилась, увидев, кто заглядывает в щелку двери, вышла в коридор:

– В чем дело, Ваня?

– Евдокия Павловна, я это... – Ванька вдруг испугался, что не сможет объяснить так, чтобы учительница поняла, почему Анька обязательно должна быть Лисой. Он начал объяснять путанно, сбивчиво, издалека, и все не мог выговорить главного. Наконец промямлил:

– Пусть Кричевская будет Лисой, пожалуйста. Она целый год мечтала. Смирнова тоже согласная! Согласна...

– Но почему, Ваня? – произнесла учительница. – Зайчонок – тоже хорошая роль. Мы же говорили с вами, что в спектакле нет ролей важных и не важных.

Ванька потупился, покраснел. Помолчал, собираясь с духом, посопел носом, потом сказал тихо, почти прошептал:

– Понимаете, Анька – самая маленькая, самая некрасивая. А если ей дадут Лису, она будет думать, что она – как все. Ну что вроде, она – не хуже других...

2. Отец

Тяжело, неясно на сердце у Антонио Бонисетти. Бродит в нем нутро, бродит, как незрелое вино, но не дает это брожение веселья. Поднимается откуда-то со дна его усталого сердца густая, темная пена злобы. Злобы на дочь – непокорную, умную не по годам, холодную, будто чужую. Злобы, что заставляет его сидеть по целому часу без дела, низко опустив кудрявую, густо просоленную голову, уставив глаза в одну точку, сцепив в заржавленный замок тяжелые темные ладони. Никогда раньше не водилось за ним такого.

Антонио как знал, что так будет – не хотел дочери. Хотел сыновей. Сыновья – помощники, рабочие руки. Сыновья – для себя. А дочь? Кому растишь? Проку в ней нет, разве что матери по хозяйству помочь. А та и сама справится: рожать да за домом смотреть – все ее заботы.

Бог не обидел его, сыновей трое. Старший, Тонино, уже управляет с рабочими: нанимает, рассчитывает. Дело понимает, землю понимает, технику понимает. Все дело благодаря ему и поднялось: он был одним из первых в Брази, кто придумал цветы разводить и продавать в гостиницы для богатых туристов. Двое младших пока в школе. Как закончат – тоже подмога. Луиджи сразу в работу пойдет. К тому времени земли подкупят, техники подкупят. Новые теплицы построят – дело растет. Младшенького, Лучиа-но, можно и в университет послать. Можно, можно... пусть учится, будет доктором или инженером. Дед, пришедший с Корсики рыбак, а может, и не только рыбак, – кто его знает, на чем он заработал, чтобы здесь, в Лигурии, землю купить – и не мечтал, что внук его доктором будет. Не мечтал, да...

Одна тяжесть на душе – Орнела. Родилась она в марте, в самом конце, в пятьдесят пятом – второй, после Тонино. Не сразу, с большим перерывом. Долго злился Антонио на жену, простить не мог. Только когда следом за дочерью появился Луиджи – успокоился, отмяк. Малыш Лучиано и вовсе смягчил сердце стареющего отца, примирил с женой.

Карлотта жалела дочку, чувствовала, что отец не любит ее. Упрашивала его послать девочку в школу, ведь не средневековье, двадцатый век. Но муж тянул. Девчонке исполнилось девять, когда приехала чиновница из муниципалитета, привезла бумагу: приказ, чтобы отдали ребенка в школу.

А и счастлива была Нела! Нарядили ее, как куколку: чулочки белые, туфельки лаковые – у дона Франческо купили! Платье с белым кружевным воротничком. Все «ба-бузя», мать Карлотты – она дала денег на наряды. Бабушка всегда баловала внучку и втайне уже шепнула Карлотте, что и дом на берегу, и сундуки с добром: кружево савойское, полотна, скатерти, мебель старинную, дубовую, с резными львиными мордами и цветами – все внучке завещает.

А и красавица была Нела! Высокая, стройная – в материну породу. Отец-то ростом не вышел: был приземист и кряжист. Волосы у дочки почти светлые, каштановые, мягкими кудрями, – не как у отцовской породы, крутой спиралью. И личиком тоже светлая, как будто солнце ее не палило. Глаза с зеленью, бровки густые, ровные, губки румяные, зубки белые, как пена на волнах. Ручки и ножки маленькие, точеные, пальчики длинные.

Девчонка оказалась умненькой, в аттестатах, что учитель присылал в конце месяца, одни похвалы и восторги. Карлотта замирала от гордости, прятала листки под скатерти в нижний ящик комода.

Отца учительские похвалы не радовали. «Зачем, – думал, – ей эта грамота?» Сам он был грамотный, но почти не читал. Только разве газету, да и то больше напоказ соседям: сидел с ней по воскресеньям за столиком перед кафе на церковной площади, пока жена судачила после службы с товарками.

Когда девчонке исполнилось шестнадцать, отец собрал семью за столом, объявил:

– Орнела училась семь лет, узнала много наук. Принесла в дом много наград и похвальных листов. Мы гордимся нашей дочкой и сестрой, – он говорил значительно, медленно, поочередно оглядывая каждого. – Пришло время ей становиться взрослой. Сын дона Франческо Камбиазо, Фантино Камбиазо, приходил ко мне. Говорил о ней. – Он помолчал, потом продолжал: – Дон Франческо Камби-азо – человек известный. Его магазин славится на всю округу. Господа специально приезжают к нему за туфлями. Говорят, на будущий год откроет второй магазин. На набережной Савоны!

Антонио значительно поднял вверх палец, опять помолчал, покивал головой, как бы в подтверждение важности сказанного.

– Я заставлять не буду. Орнела и сама должна понимать. Такой брак – честь для семьи. Думай, Орнела! – И он тяжело и долго посмотрел на дочь.

Орнела побледнела, сдвинула над переносом брови. Исподлобья смотрела на отца и казалось, искры вот-вот брызнут из ее глаз. Мать первой не выдержала, тихо вздохнула:

– Что ж, дочка, надо соглашаться.

Орнела сжала край стола побелевшими пальцами, почти прошептала:

– Я хочу учиться. Пожалуйста, отец!

Антонио хлопнул по столу ладонью, прикрикнул:

– Я сказал – нет! Что ты такое? Женщина! Тебе нужно замуж. И детей рожать. У тебя есть братья! – Он оглядел, как будто пересчитал, сыновей; те опустили глаза под взглядом отца. Тот продолжал уже тихо, с расстановкой: – Пусть парни учатся, а вам, длиннокосым, нечего зад просиживать да отцовские деньги переводить.

– Отец, все мои подруги придут осенью в школу, а меня не будет! – взмолилась Орнела, прижала к груди сцепленные ладони. – Как же, разве я хуже? У Мирабелы тоже братья, и аттестат хуже моего, а она идет учиться.

– Про подругу твою слышать не желаю, – опять поднял голос Антонио, – не желаю! И видеть ее рядом с тобой не могу. Кукла! Раскрашенная кукла. И отец ее – старый глупый индеек. Индеек! Превозносит ее, как Святую Деву. Носится с ней: «моя Белуча то, моя Белуча сё!» Избаловал девку, как содержанку. Да где это люди видели, чтобы девчонке, которой и шестнадцати нет, такие подарки дарить. Автомобили дарить!

– Это всего лишь старый «Фиат», ему сто лет, – осмелилась вставить Орнела, и тем только раздражила отца.

– Не смей говорить! – Он вскочил, опять ударил по столу, да так, что стоявшая на столе старинная, все в трещинках, руанская фаянсовая хлебница звякнула о подставленное под нее блюдо. – Ей еще и по закону ездить нельзя, а он ей... И ты на нее смотришь! Тоже хочешь автомобили получать?!..

– Но отец, я прошу вас только об одном, пожалуйста, я хочу, чтобы у меня была профессия, – на глаза Орнелы навернулись слезы. – Я буду работать и выплачу вам, назначьте мне долг. Умоляю, отец!

Антонио, опершись тяжелыми ладонями о стол, смотрел на дочь набычавшись, исподлобья. Глаза его загорелись, лицо налилось кровью.

– Я сказал: нет! Пойдешь замуж.

– Так и не пойду! – закричала вдруг Орнела и вскочила, махнула ладонью по глазам, по щекам, прогнала слезы. – Не пойду ни за что! Лучше из дома уйду, буду работать. Пусть все говорят, что Антонио Бонисетти дочь из дома выгнал!

Красные точки, как вишни по земле из опрокинутого ведра, запрыгали перед глазами Антонио. Он почти зарычал:

– Дочь, не смей ослушаться моей воли!

– Не пойду, лучше убейте! – Орнела кинулась к двери, где в простенке, в деревянной распорке хранились охотничьи ружья, выхватила одно, швырнула его на стол перед отцом:

– Не пойду! Лучше застрелите меня! – Она встала перед ним: прямая, высокая, с охватившим голову пламенем растрепавшихся волос, засветившихся от упавшего сзади луча солнца.

Отяжелели, кровью набухли глаза Антонио:

– Ах, вот ты как! Мало я горя видел от тебя! Так и убью, не пожалею! – Антонио схватил ружье, вскинул его, направив на дочь. Поганая девчонка засмеялась треснувшим, как стекло, обидным смехом, вплотную подскочила к отцу, уперлась лбом в ствол:

– Ну так что ж. Стреляй, стреляй, не медли! – впервые дочь обратилась так к отцу: никогда в жизни он не слышал от нее «ты».

– Антонио! – зарыдала мать, вскочила, вцепилась корявыми темными пальцами себе в волосы, но побоялась коснуться мужа. – Опомнись, что ты, перед тобой твоё дитя!

Братья сидели тихо, не смея сказать ни слова. Антонио не почувствовал, а увидел, как затряслись его руки, как ствол стал биться о лоб дочери. Она не отстранилась, сухими глазами насквозь прожигала отца. Он опустил руки, ружье глухо стукнуло, упало. Ноги его обмякли, он без сил сел на стул, закрыл пепельное лицо большими узловатыми ладонями. Сыновья не должны увидеть его слез. Кар-лотта подхватила выпавшее из рук Антонио ружье, сунула его подальше под комод, замахала руками на дочку, вытолкала ее из комнаты.

3. Нина

Школьные годы бегут быстро. Не успеешь оглянуться – уже в седьмом классе! У семиклассников последним уроком в конце недели всегда был классный час. Алевтина Петровна, географичка и классный руководитель 7-го «А», монотонно бубнила по тетрадке про график дежурства, про проценты успеваемости, про шефство над октябрятами, про озеленение кабинета... Казалось, в классе был идеальный порядок: ребята сидели неслышно. Каждый втихаря занимался своим делом.

Ванька на классном часе всегда старался сделать что-нибудь из домашних заданий. Обычно, положив на колени учебник, щелкал примеры по математике. Математику сделал – считай, выходной свободен. Остальные уроки много времени не занимали.

Но в тот день классная вошла не одна, следом за ней появилась Нина Василевич из 9-го «Б». Все встрепенулись, каждый бросил свои дела и вопросительно смотрел на вошедших.

Нину в их 35-й английской спецшколе знали все. Еще совсем недавно она была председателем Совета Дружины, на каждой линейке вся школа любовалась ею. Высокая, стройная, в лаковых черных туфельках, плиссированной юбочке и белой пионерской рубашке, с горящим на груди алым шелковым галстуком, Нина четко вскидывала руку в пионерском салюте к надетой немного набок между пышных белых бантов пилотке и звонко рапортовала директору школы.

Потом Нина стала комсомолкой, и очень скоро ее выбрали Секретарем комсомольской организации школы.

– Дорогие ребята, – звонко, как на линейке, начала Нина после того, как Алевтина Петровна поздоровалась и жестом посадила класс. – Вы стали семиклассниками, а это значит, что вам предстоит сделать один из самых важных шагов в вашей жизни: принять решение о вступлении в комсомол. Это... – Нина немного запнулась. – Это важный шаг в жизни каждого человека. Комитет комсомола нашей школы поручил мне провести с вами вступительную беседу.

Нина развязала шнурки картонной папки, достала оттуда листок бумаги и стала читать все тем же звонким ровным голосом, делая равномерные паузы, точно так же, как читала на большой перемене по школьному радио «Новости комитета комсомола». Никто уже не занимался своими делами, слушали внимательно. Все понимали: вступление в комсомол – это тебе не хухры-мухры! Без этого никуда, даже в ПТУ не поступишь. Что уж говорить про институт. А в их школе потенциальных пэтэушников не было, все собирались в ВУЗ.

Ванька тоже слушал, но больше – смотрел. Смотрел во все глаза! Конечно, он видел девятиклассницу Нину и раньше, но только издалека. Теперь он по-настоящему разглядел ее. У нее были блестящие, немного кудрявые волосы, затянутые сзади в тугий хвост, на брови падала густая челка. Глаза были тоже блестящие, ресницы бросали тень на щеки. Губы румяные и сверху сильно изогнутые. Ванька заметил, что уши у нее маленькие и красненькие, и в них видны крошечные золотые сережки-гвоздики, а пальцы, державшие листок, слегка вымазаны чернилами. Это было так удивительно, что у Нины, – у самой Нины! – пальцы в чернилах.

Нина еще почитала немного, потом сказала:

– Итак, каждый из вас должен принимать участие в мероприятиях, которые проводит комитет комсомола. Ваше активное участие добавит вам баллов на Ленинском зачете, который каждый должен сдать перед вступлением в комсомол. Давайте посмотрим, кто куда хочет записаться. Подготовка концерта к празднованию Седьмого Ноября. Кто хочет?

Несколько человек подняли руки. Ванька тоже поднял. Нина аккуратно записала фамилии, потом продолжала:

– Выпуск стенгазеты. Субботник по уборке школьной территории. Распространение поздравительных открыток для ветеранов. Организация отрядов из пионеров четвертых-пятых классов для сбора макулатуры...

Список у Нины был длинный. И всякий раз Ванька поднимал руку, так что Нина в конце концов сказала:

– Ершов, не обязательно во всем участвовать, тебе же учиться некогда будет.

Недостатка в желающих не было, ребята активно записывались: в институт, а значит – и в комсомол, хотели все. Потом Нина говорила уже сама, без написанного: объясняла, как будет проходить прием в комсомол. Наконец, она раздала каждому по листу бумаги и продиктовала: «Заявление. В комитет комсомола школы номер 35, от – тут каждый должен был написать свое имя и фамилию. Прошу принять меня в ряды Коммунистического Союза Молодежи имени В. И. Ленина. Хочу быть в первых рядах молодых строителей коммунизма и посвятить свою жизнь делу борьбы за счастье трудящихся».

– Теперь поставьте число и подпись, – сказала Нина и стала ходить по рядам, собирая листки.

Прозвенел звонок. Ребята загалдели, стали защелкивать портфели, выходить из класса. Ванька, видя, что Нина еще разговаривает с Алевтиной Петровной, нарочно замешкался, но, как только она пошла к выходу, закрыл свой ранец и двинулся следом за ней. Он проводил Нину, держась все время немного позади, до раздевалки. Убедился, что она начала одеваться и бросился к своей вешалке. Быстро оделся, выбежал из школы и спрятался за электро-будкой. Скоро вышла Нина. Она была одета в простенькое пальтецо, толстые рейтузы и короткие кожаные сапожки. На голове у нее была вязаная капором шапочка из оранжевой шерсти, такой же оранжевый длинный шарф обматывал шею и свисал спереди почти до края пальто.

Ванька незаметно, крадучись сзади, проводил Нину до ее дома: узнал, где она живет. Когда за ней захлопнулась дверь подъезда, Ванька засомневался: узнавать ли номер квартиры? Вообще-то незачем: не пойдешь же к ней в гости ни с того ни с сего. Но все-таки, выждав минут десять, вошел в подъезд и стал торопливо подниматься, задерживаясь самую малость на площадках, чтобы прочитать надписи на дверях. Дом был четырехэтажный, на каждой площадке – по две квартиры. На третьем этаже слева на двери он увидел наклеенный на картонку список, составленный из вырезанных из газетных заголовков толстых печатных букв:

Силянины – 1 зв.

Макаров – 2 зв.

Василевич – 3 зв.

«Ага, вот оно, – подумал Ванька. – Квартира четырнадцать, второй подъезд». Ванька бегом «ссыпал» вниз, вышел из подъезда, присел на пустые качели на детской площадке. Он сидел, задрал голову, соображая, где могут быть окна Нины. Но как догадаешься, в квартире трое жильцов. Ему не хотелось уходить. Вдруг она выглянет? Или выйдет! Может, ее мать в булочную пошлет, или еще что? Но Нина не выглянула и не вышла. Просидев почти целый час, Ванька поплелся домой.

4. Дитя

Потянулись тяжелые дни. Дома было нехорошо. Орнела избегала отца. Боялась, что опять начнется тот же разговор...

Как всегда, во время школьных каникул Орнела помогала в теплицах. Рано утром на своем девичьем велосипеде, собственноручно выкрашенном в кремовый цвет, с яркой плетеной корзинкой у руля, украшенной букетиком самодельных шелковых розочек, приезжала она на вырубленные в склоне горы террасы, где длинными рядами тянулись теплицы. Работала вместе с сезонниками до обеда.

Обед для рабочих заказывали в местной таверне и привозили в больших флягах-термосах: густой и красный, дымящийся, как кровь, суп, мясо в темном соусе, с морковью и луком. В соус обмакивали длинные хлебцы с жесткой хрустящей корочкой. Орнела любила обедать с рабочими, любила слушать их простые разговоры, наблюдать, как парни и девушки, флиртуя, подшучивали друг над другом. После обеда рабочим полагался час отдыха. Орнела ехала домой.

Дома старалась тихонько, мышкой, прошмыгнуть в свою комнатку или помогала на кухне, стараясь не попадаться отцу на глаза. Разговоров о школе больше не заводила; отец тоже молчал, и было неясно, что же будет, когда кончится лето и начнутся школьные занятия.

Однажды, собираясь после работы ехать домой, она увидела Фантино. Он стоял на краю террасы, у высокой стены из плоских фанерных ящиков, опираясь на новенький велосипед.

– Привет, Орнела, – крикнул ей Фантино и помахал рукой. – Поможешь мне?

– Привет, Фантино, – ответила Орнела, подходя. Она не держала на него зла, он в ее распре с отцом не виноват. Даже было приятно, что Фантино, такой красивый парень, заметил ее и приходил к отцу говорить о ней. До него еще никто не приходил.

– Помогии, Орнела, – улыбнулся парень, влажно блестя глазами, – говорят, ты знаешь, как на этом ездить.

«Ох, говорят! – фыркнула про себя Орнела. – Будто ты не видел ни разу, как я проезжаю мимо твоих окон!»

– Как же ты сюда доехал? – со смехом спросила она вслух.

– Я и не ехал вовсе. Пешком шел, а этого коня рядом вел, – Фантино смотрел на нее с улыбкой, показывая ряд белых зубов под узкой темной полоской усиков.

– Да зачем?

– Чтобы вместе с тобой обратно приехать, Орнела. Хочу, чтобы ты меня выучила.

– Что я тебе за учительница? Не могу. Некогда, еще работы полно.

– Как же, ты же всегда в это время домой едешь! – Фантино улыбался лукаво и ласково.

– А ты почём знаешь?

– Уж я знаю. Поучи, а я тебе за это туфельки подарю. Самые красивые, самые блестящие, с перепоночкой.

Орнела трянула упавшей на глаза прядью волос, – волосы на солнце вспыхнули золотисто, – кинула на парня быстрый взгляд:

– Нет, Фантино, не могу. Работы много сегодня.

– Ну что ж, сегодня нельзя... тогда завтра!

– Не могу, Фантино. Отец заругает.

– Твой отец! Да такого доброго отца, как сеньор Антонио, и на свете не сыскать. Скажи уж, что я тебе не нравлюсь.

– Разве это важно для того, чтобы на велосипеде ездить? – спросила Орнела, опуская глаза.

– Для велосипеда не важно, а для меня важно, Нелита, очень важно, – тихо произнес Фантино и тронул Орнелу за руку. – А не хочешь учить, просто так приходи в магазин. Туфельки тебе выберу самые красивые, мягкие, как морская водичка, чтобы ножки твои нежно обнимали. Что ж, придешь?

Орнела почувствовала, как жарко загорелись ее щеки и, не смея поднять глаза, прошептала:

– Хорошо, приду.

– Когда же, Нелуча, когда ждать тебя?

– А всегда жди! – Она справилась с собой, смело глянула ему в лицо, засмеялась и пошла прочь быстро, быстро, потом побежала.

Она вбежала в сарай, стоявший неподалеку, и прильнула к щели в дощатой двери – посмотреть. Фантино постоял еще немного, глядя ей вслед. Потом она увидела, как он вскочил в седло велосипеда и ловко, быстро крутя педали, поехал вниз по тропинке к деревне. Орнела села на землю, прислонилась спиной к стопке вставленных одна в другую широких корзин. Сердце ее колотилось.

«Красивый парень Фантино, – думала Орнела. – Высокий, стройный. Румянец смуглый во всю щеку, а глаза круглые, ласковые, как у ребенка. Не зря его и зовут так: Фантино – дитя. Лицом похож на ангелочков в церкви. Один сын в семье, все добро ему перейдет. То-то отец готов меня сейчас отдать».

Она помрачнела, вспомнив про отца. Как же, неужто она, в угоду отцу, кинется в объятия этого красавчика? Неужто запрется на кухне, среди кучи ребятишек, забудет об учебе, о своей мечте!

С детства, сколько себя помнила, Орнела мечтала стать моряком. Не просто моряком, а капитаном. Вести океанское судно – одно из тех, что швартуются в порту в Генуе. Вот она стоит на палубе в белоснежном кителе, волосы зачесаны назад в пучок, на плечах золотом горят полоски. Она – одна женщина на судне, вся команда – мужчины, и все тайно в нее влюблены. Ее корабль – лучший на всем флоте. Все ей подчиняются, все ее слушаются, ей и командовать не надо. Каждый только и думает, как получше выполнить службу, чтобы ей понравиться.

Конечно, Орнела знала, что женщин-моряков не бывает, но все равно мечтала. А однажды в отцовской газете, забытой на столе, увидела фото девчонки, по виду чуть старше ее, в кадетской форме, и большую надпись: впервые в мореходном колледже при морской академии Ла Специи открыт прием для женщин. Все тогда перевернулось для Орнелы. Ее мечта стала возможной! Она еще больше стала стараться в школе, вышла на первое место по всем предметам.

Отец хочет одного – отдать ее замуж. Ну нет, она не будет послушной коровой с соломой вместо мозгов! Орнела помотала головой, как будто сбрасывая наваждение, встала, стряхнула с себя налипшие травинки, труху. Вывела свой велосипед из сарая и поехала домой.

Проезжая мимо магазина Дона Франческо, она старательно отвернулась, боясь бросить взгляд на окно, но ей казалось, она кожей чувствует: Фантино смотрит на нее.

Прошло две недели. Орнела ни разу не встретила Фантино и, чем дольше не видела его, тем труднее было не думать о нем. Ее рука помнила его прикосновение; ее глаза, куда бы ни смотрели, видели только одно: как ласковые губы улыбаются ей, показывая ряд белых зубов под темными усиками. Она жила как во сне, не видя ничего перед собой горящим, в себя обращенным взглядом, не замечая смены дня и ночи, не помня: ела ли она, спала ли, говорила ли с матерью, с подругами.

Однажды, возвращаясь как обычно из теплиц домой, приближаясь к магазину сеньора Камбиазо, она сначала почувствовала, как сердце упало в ней, и только потом увидела, что Фантино выходит из магазина ей навстречу.

– Привет, Орнела! – крикнул он. – Я привез твои туфельки.

Она спешила с велосипеда, поставила его к стене, подошла.

– Я привез твои туфельки, Орнела, – повторил Фанти-но, улыбочиво щурясь от лучей клонившегося к верхушке горы солнца. – Входи, примерь. Я ездил за ними специально в Геную!

Он взял ее за руку, повел за собой. Она послушно шла за ним. Никаких мыслей не было, она только чувствовала, что его горячая влажная рука сжимает ее руку. Он привел ее в заднюю комнату, закрыл за собой дверь, повернул ключ – она не заметила. На столике перед диваном, на белой тонкой бумаге стояла пара туфелек – замечательные лодочки на маленьком каблучке рюмочкой, малино-во-красные, сияющие лаком.

– Садись, примерь, – пригласил Фантино. Орнела опустилась на диван, скинула свои матерчатые, отбеленные мелом, на резиновой подошве, спортивные башмаки.

– Не знаю, Фантино, носок на мне толстый, как же померить?

– Я приготовил для тебя чулки, – проговорил Фанти-но, доставая из кармана и разворачивая пару новых струящихся шелковых чулок.

Он опустился перед ней на колени, взял в руки ее ногу и стал стаскивать с нее белый хлопковый носок. Потом встряхнул чулок и, держа маленькую ступню Орнелы в своей ладони, стал натягивать на нее тонкий шелк, поднимая свою ладонь все выше, выше...

На следующий день Фантино опять пришел к отцу Орнелы. Она знала, что он придет. Сидела в своей комнате, уставив глаза в одну точку, даже не пытаясь прислушиваться к голосам в гостиной. Кровь гулко билась в ушах.

В конце октября в местной церкви Орнела стала сеньорой Фантино Камбиазо. Молодая пара переехала в заново отделанный, по приказу дона Камбиазо, дом. К апрелю ждали первенца.

5. Нева

Анька сразу поняла, что с Ванькой – неладно. Он стал другим. Нет, он и раньше на нее, на Аньку, не обращал внимания, но она все равно чувствовала его защиту. Вроде как что-то теплое, надежное всегда было у ее плеча. И вдруг – как будто вместо Ваньки рядом с ней появился холодный сквозняк. Анька стала присматриваться и скоро узнала, что Ванька, как дурак, каждый день таскается за этой дылдой Нинкой, провожает ее домой. А однажды увидела, как Ванька на перемене прокрался к вешалке 9-го «Б» и сунул что-то в карман Нинкиного пальто.

Анька не пошла на урок, притаилась в раздевалке, дождалась удобного момента и проверила карманы пальто. В одном из карманов лежала завернутая в тетрадную страничку шоколадка. На бумаге надпись квадратными буквами: «От друга». Анька бросила шоколадку на пол, растоптала, сверху прикрыла кучку дурацкой запиской. Пусть получает, «от друга»! Потом вышла из раздевалки, села на подоконник в пустом, гулком без ребят коридоре, задумалась.

Почему она это сделала? Влюблена она в Ваньку, что ли? Нет... конечно, нет! Она влюблена в Вовку Гребешкова из 8-го «Б», это она точно знала. С Вовкой они вместе ходили в музыкальную школу – она на фортепиано, а он на скрипку – и в концертах, которые в музыкалке устраивались два раза в год, в декабре и в мае, она ему аккомпанировала. А с Ванькой? Совсем другое. Это как если бы мама или папа вдруг стали считать дочкой не ее, Аньку, а какую-нибудь чужую девчонку.

Однажды, уже зимой, Анька неторопливо одевалась в раздевалке спортзала. У них физкультура была последним уроком, можно не спешить. В раздевалку впорхнула, смеясь и щебеча, стайка девчонок-девятокласниц. Они стали переодеваться в спортивное. Нина была среди них. Анька стала копаться еще медленней: хотелось послушать разговоры старшеклассниц. Нина плюхнулась на лавку, стягивая рейтузы и, смеясь, сказала:

– Ну что ж, девки, разве я виновата? Не он один, все малолетки за мной бегают! А мне-то что! Я к этому еще в пионерах привыкла.

– Да ты, Нинок, с малолетками этими, как сучка со щеночками! Лужи за ними готова подлизывать, – хохотнула высокая девчонка сквозь задранное форменное платье, которое она пыталась стащить через голову. – Помоги же! Кажется, крючок зацепился...

– Давай, кулема! Присядь-ка! – сказала Нина и склонилась над застежкой. – Вообще-то это точно! Но таких сучонков, как этот Ванька, еще не бывало. Ходит за мной, как приклеенный, и шоколадки в пальто сует. А сам носом шмыгает. Соплежуй! Ну так потешно, девки!

– А что, Нин, подумаешь – носом! Сама, что ли, не шмыгаешь? А он классный, даром, что малолетка, – заметила низенькая толстушка. – Спортивистый такой, учится хорошо, ты бы пригляделась!

– Ты, Светик, шутишь? – прыснула та, что зацепила крючок. Она уже освободилась от платья и натягивала на себя спортивную майку. – Наша Ниночка по «скубенцу» сохнет!

– Валька, заткнись! – сердито воскликнула Нина. – Просто студент меня в институт готовит, он мой репетитор, ясно тебе?

– Да зачем тебе репетитор, ты за свои пятерки уже все штаны просидела. Задницей возьмешь!

– Да, возьмешь! Тебе, Валечка, хорошо, у твоих предков кругом блат! А мне с моими инженерами надо всего самой добиваться. – Нина завязала шнурки на кедах, встала, подошла к висевшему на стене круглому зеркалу. – На одну общественную работу только и надежда, – продолжала она, поправляя волосы, любуясь на свое отражение. – Ванечка для меня – находка, – говорила Нина, прихорашиваясь. – Он хоть и соплячок, а ради меня все мероприятия готов на себе вытаскивать. Вот выйдем на Новогоднем городском смотре на первое место,

тогда мне такую характеристику дадут, что ни один институт не посмеет меня не принять! Ну что, девы, готовы? Пошли! – И девчонки, продолжая болтать и пересмеиваться, вышли из раздевалки.

Анька в одном кеде, в трусах и майке, с полуспущенными на колени «трениками» сидела в своем уголке, как ударенная. Обидно стало за Ваньку, так обидно – хуже, чем за саму себя. Если бы Нинка похвалила его, покраснела бы или как-то показала, что Ванька нравится ей – Анька бы тогда ничего, даже наоборот, сама бы за это Нинку полюбила. Но теперь... «Так вот оно как! А Ванька-то, дурачок, и не подозревает, что эта фифа смеется над ним да еще использовать его хочет. Вот гадина! Ну погоди, ничего у тебя не выйдет!» – и Анька решила, что она откроет Ваньке глаза.

По дороге из школы она зашла на почту и за две копейки купила конверт без марки. Там же, за высоким почтовым столиком, нацарапала квадратными буквами на обратной стороне телеграфного бланка записку:

«Ваня, тебя используют! Та, кому ты носишь шоколадки, хочет выехать за твой счет на первое место по общественной работе для поступления в институт. Она смеется над тобой и называет Сопливым Щенком. Твой друг».

Анька заклеила конверт, подумала и подписала: «Ване Ершову от Комитета Комсомола». Она давно узнала, где живет Ванька, хотя в гости он ее не приглашал ни разу. Анька вошла во двор Ванькиного дома, огляделась. Во дворе никого не было, кроме пары бабушек с детьми на детской площадке. Она вошла в парадное, поднялась по широкой, со щербатыми ступеньками, лестнице, подошла к Ванькиной двери и сунула конверт в щель прибитого рядом с дверью почтового ящика с выведенной на нем белой краской фамилией «Ершов».

В тот момент она ясно услышала, как щелкнул изнутри соседский замок. Анька опрометью кинулась к лестнице и сама не заметила, как оказалась на площадке верхнего этажа. Она притаилась, стараясь не дышать, и стояла так, прижимаясь к холодной крашеной стене, пока далеко внизу не хлопнула дверь подъезда – значит, люди вышли. Анька побежала вниз и в дверях – ну надо же такому случиться! – лицом к лицу столкнулась с Ванькой, который входил в парадное, волоча перекинутую через плечо большую хозяйственную сумку.

– О, Кричка, привет, – воскликнул Ванька. – А ты чего здесь?

Анька не нашла, что ответить и молча прошмыгнула мимо.

– Крича, чего не отвечаешь? – Уже выбегая во двор, услышала она за спиной удивленный Ванькин возглас.

Встретив ее в подъезде, Ванька не мог не догадаться, кто бросил записку в его ящик. На следующий день Анька с таким страхом шла на уроки, что даже забыла, как обычно, остановиться на минутку, чтобы полюбоваться нарядным четырехэтажным, с портиком на четырех колоннах, зданием школы. Вообще, Анька любила свою школу и всегда шла на уроки легко, с удовольствием. Но сегодня... как будто кто-то держал ее за ноги и не давал шагать.

Она пришла в класс раньше Ваньки, уселась за парту и стала ждать его появления. От страха ее немного подташнивало. Она пыталась мысленно подбадривать себя: «Ну так что ж, если догадался. Не убьет же он меня. Даже если и треснет – ничего особенного».

Ванька явился перед самым звонком и не сел с ней, а направился напрямик к «галерке». Весь день прошел, как обычно, если не считать того, что она на всех уроках сидела одна. На перемене он подошел к ней, процедил сквозь зубы:

– После уроков не смывайся, поговорить надо, ясно? – И опять пошел к задней парте.

Прозвенел звонок с последнего урока. Анька сидела, не двигаясь, боясь повернуться назад. Спиной ощущала, что он тоже не уходит. Наконец, кроме них в классе никого не осталось. Анька почувствовала, что Ванька подошел. Она съежилась, ниже нагнула голову.

– Слушай, Кричевская, – сказал Ванька громко, звонко. – Если ты еще раз в мои дела полезешь, я тебе ноги из жопы выдерну, поняла? Коза сраная! – больше Ванька ничего не ска-

зал и вышел из класса, громко хлопнув за собой дверь. Анька опустила голову на сложенные на парте руки и начала реветь.

Но долго плакать не пришлось. Скоро в класс заглянула тетя Вера, техничка:

– Ой, Анечка, что ты? Оценку, что ли, плохую получила? – Тетя Вера подошла к Аньке, попыталась рукой поднять ее голову.

Анька вскочила, схватила свой портфель и побежала из класса вон.

– От психованные детки, от психованные!.. – запричитала вслед тетя Вера.

Анька сама не помнила, как оделась, как вышла из школы. Домой не пошла. Брела, куда глаза глядят, всхлипывала, размазывала варежкой слезы по щекам. Сумерки сгущались, началась метель. Анька вышла к Неве. Пробралась по снегу вдоль каменной ограды, потом спустилась по ступенькам к реке, перелезла через сугробчик, образовавшийся там, где провисшей чугунной цепью заканчивались ступеньки, побрела по льду вдоль берега. Стало совсем темно. Снег красиво кружил в свете фонарей набережной. Было странное ощущение удаленности от всего мира, хотя город был рядом, за гранитным парапетом.

Анька шла долго, бормотала себе под нос сильные, хлесткие фразы, которые надо бы сказать Ваньке. Потом села на портфель, привалилась спиной к сугробу. Становилось холодно, хотелось есть. Постепенно она успокаивалась.

«Ладно, нечего реветь из-за этого дурня, – сказала себе Анька. – Хочет, чтобы над ним вся школа смеялась – пусть. Он, конечно, думает, что я из-за него утопиться готова, предатель! Три года дружили!» – Анька поплакала еще немного. Теперь ей казалось, что они с Ершовым не просто сидели за одной партой, а все три года были по-настоящему близкими друзьями. Наконец, она встала, утерла еще раз уже щипавшие от слез глаза и щеки, отряхнулась и медленно побрела, отыскивая ступеньки.

Стало теплее, но метель кружила все сильнее, снег шел так густо, что набережной не было видно. Анька все никак не могла найти ступеньки, не могла понять, где ей выбраться. Она шагала и шагала, падала, поднималась, и вдруг обнаружила, что не видит гранитной стенки. Снег лепил все гуще, кружил, не давал смотреть. Поднялся ветер. Анька почувствовала, что начала замерзать. Она брела, спотыкаясь, пригибаясь под метелью, и перед глазами вставали страшные сцены: она проваливается в полынью, умирает, занесенная снегом, и только весной, в половодье, находят ее изуродованное тело. Она испугалась, от страха побежала, потом подумала, что бежит не туда, куда надо, повернулась, кинулась в другую сторону.

Так металась она, пока совсем не обессилила. Упала и осталась лежать. Внизу не так дуло, стало как будто теплее. Анька съежилась, подтянула коленки к груди, уткнулась лицом в шарф. Метель выла.

Вдруг Аньке как будто послышался далекий крик: «А-а-н-я-а!» Мамин голос! Анька встрепенулась, села. «Мама! – вспомнила Анька. – Она ведь с ума сходит, небось уже и в школу сбегала, и ко всем подружкам. Гадина я! Как же я забыла про маму!» Анька вскочила, побежала вперед, туда, откуда, как ей показалось, послышался голос. Она бросила портфель, сорвала и отбросила путавшийся меж коленок длинный модный вязаный шарф и все бежала, бежала, стараясь не поворачивать.

Сквозь метель, показалось, мелькнули огоньки. Анька обрадовалась, припустила было еще быстрее, но почувствовала, что задыхается. «Ничего, можно не быстро, – шептала себе Анька. – Главное идти, не останавливаться. И не терять из вида огни. Ничего, Анька, выползем», – подбадривала она сама себя. Скоро ей показалось, что метель как будто стала стихать. Огни стало видно яснее. Анька шла, не останавливаясь.

Поздно ночью на другом берегу Невы, едва живую, еле-еле держащуюся на ногах Аньку подобрал наряд милиции. Ее отправили в больницу, где и нашли ее обезумевшие от страха родители. Анька увидела мать и отца как будто в тумане, протянула руки, прошелестела неслышно:

– Мамочка, я заблудилась.

Голоса не было совсем. Скоро у нее начался жар, она погрузилась в беспамятство тяжелой пневмонии.

6. Мирабела

Дом, в котором стала жить Орнела с мужем, стоял на возвышении, у поворота выходящего над обрывом серпантина дороги, и смотрел кружевными окнами на блестящее вдали море. Дом невелик, но весь выкрашен свежей краской, обставлен новой мебелью – отец Фантино постарался для новобрачных.

В доме было все, до самых мелких мелочей. Орнеле даже не пришлось взять приданое, приготовленное для нее бабушкой.

– Не сердись, бабузя, наживем дом побольше, все заберу, – смущенно смеялась Орнела. Ей было неловко и грустно не взять бабушкино, но и рассердить свекра она боялась. И ей все казалось, что дом чужой, временный – не было в нем ничего из ее жизни, ничего, что она могла бы назвать своим. Но это она прятала глубоко в сердце, не показывала никому.

Зато уж напоказ – как она гордилась! Она – сеньора, хозяйка дома! Приходили на чашку кофе подружки, завистливо оглядывали каждый уголок. Каким легким взмахом руки она стелила на стол кружевные новенькие салфетки, как привычно наливала из посеребрённого кофейника кофе в прозрачные, тоненькие, как яичная скорлупа, золоченые фарфоровые чашечки – будто других и не видела в жизни.

Особенно любила Орнела, когда приходила Мирабела, Белуча – с раннего детства лучшая ее подруга. Красавица Белуча, счастливица Белуча, у которой было так много платьев, что она, не задумываясь, отдавала Орнеле те, что уже надевала два-три раза; у которой был собственный автомобиль, которая могла сама решать, учиться ли ей, и где учиться.

Мирабела радовалась за подругу:

– Нелита, солнце мое, как красиво в твоём доме. Какой модный торшер, проигрыватель! И сколько пластинок! Какой лакированный стол! И какой миленький у тебя муж! Вот уж красавчиков нарожаете. Смотри же, первенца я буду крестить! Будет у меня крестный сыночек!

– Обещаю, Белуча, готовь подарки крестнику, – улыбалась Орнела и сердце ее замирало.

Промелькнули первые медовые недели, Орнела стала маяться тошнотой. Лицо отекло, руки и ноги ослабли, хотелось спать, спать – и ничего больше. Она старалась не поддаваться: вставала, готовила, подавала мужу завтрак, свежесглаженную сорочку, начищенные туфли. Он трепал ее по волосам, улыбался:

– Ничего, Нелуча, все пройдет, потерпи! – И уходил до вечера. Она падала в постель, как подкошенная, хотела только одного: чтобы он не пришел слишком рано. Так прошло два месяца.

Орнела стала замечать, что муж приходит домой все позже. Она уже справилась со своими слабостями, чувствовала себя лучше, вовсе хорошо, вроде и не было в ней младенца. Только располнела немного, но зато лицо налилось светом, глаза засияли изнутри, как будто там, в глубине ее, горел волшебный фонарик. А что же Фантино? Все то же: потреплет утром мягкой ладонью косы, поцелует в лоб, как падре в церкви, и уходит, и нет его до полуночи.

– Фантино, сладкий, приходи сегодня пораньше, гулять пойдем.

– Что ты, дорогая, тебе вредно. Ложись, не жди меня. Я задержусь в магазине.

И Орнела остается одна на целый день. В тоске бродит по дому, в который раз перебирает детское приданое – богатое, из лучшего в Генуе магазина, – свекром купленное. Потом пойдет в кухню, где хозяйничает у плиты толстая Сандра, тоже присланная доном Камбиазо помогать Орнеле, пока она беременна. Скучно сидеть одной дома. Хорошо, если заедет Белуча, похвастает модными нарядами, расскажет школьные новости.

Белуча заезжала не часто, только по пятницам. Она ездила на своем стареньком «Фиате» лихо, уверенно – но пока только по деревенским дорогам; на большое шоссе, извилистое и все унизанное тоннелями, не выезжала. «Фиат» достался ей от старшего брата, Марио, а тому – от отца.

Марио, как только смог скопить на свою мечту – мотоцикл, так больше и не подходил к машине. «Фиат» долго ржавел под старой оливой за домом. Мирабела упрашивала отца отдать машину ей и, наконец, тот уступил, как всегда уступал просьбам любимой дочери. Он сам свозил машину в мастерскую, где ее подремонтировали и покрасили. Документа на владение у Мирабелы еще не было – слишком молода. Отец не велел ей выезжать на большую дорогу.

Однажды Орнела попросила подругу:

– Белуча, прокати меня по деревне, так устала дома сидеть.

Бела – с радостью. Орнела села рядом с подругой, поерзала, устраивая потяжелевшее тело, стала приоткрывать окошко и, когда крутила ручку, глянула вниз. Не случайно глянула, что-то блеснуло там, внизу, в узеньком оттопыренном кармашке на внутренней стороне дверцы. Резинка старая, растянулась, вот кармашек и оттопырился. Орнела пальцем еще оттянула резинку, приоткрыла кармашек пошире и увидела там, на дне, золоченую зажигалку.

Орнела сразу узнала зажигалку. Ее подарили Фантино друзья, когда веселились на мальчишнике перед свадьбой. Дорогая зажигалка: он хвастал, что ни у кого такой нет. Орнела прикрыла рукой кармашек, ничего не спросила, только задумалась. Белуча трещала, рассказывала что-то. Орнела кивала, подавала голос: «Ну-ну... а он... а она?..» – и думала о своем.

Это было в пятницу, а в следующий понедельник Орне-ла заглянула в кухню, спросила Сандру:

– Сандрина, дорогая, пойду пройдуся, что-нибудь купить?

– Что ты, Нелита, отдыхай, все привезли с рынка.

– А оливок вяленых привезли?

– Не заказывали...

– Так я пройду до лавки сеньора Даниэле. Страсть, как вяленых хочу.

– Ну что ж, детка, иди, только осторожно. А может, подождешь? Я как управлюсь – провою тебя.

– Сандрина, я не фарфоровая. Сама-то, небось, работала, когда своих носила?

– И верно, детка, иди, чего сиднем сидеть да дрожать, всего бояться. Пресвятая наша Сеньора тебя не оставит. Я не дрожала, да и надо мной никто не дрожал.

Орнела подгадала как раз к концу школьных занятий. Подошла к школе со стороны переулочка, где буйно цветущие ветви бугенвиллей падают каскадом, до земли укрывают школьный забор. Между забором и густо свисающими гроздьями малиновых цветов образовалось пространство: там у школьниц была тайная беседка. Девчонки прятались в ней в перерывах между уроками: болтали, сидя на старых ящиках, хвастались обновками и, бывало, пробовали курить.

В этом переулочке Белуча, когда была в школе, всегда оставляла свой «Фиат». Он и сейчас стоял здесь, приткнутый к обочине. Орнела забралась под куст, вглубь, так, что с улицы ее не было видно. Сквозь гроздья цветов она увидела, как стали выбегать из школьных ворот малыши, как некоторые садились в машины к приехавшим за ними мамашам, другие стайками расходились в разные стороны.

Орнела ждала. Стоять было тесно, душно, приходилось пригибаться. Заныли ноги, спина. Она нашла у забора дощатый ящик, села на него, немного развела пальцами ветки, чтобы было виднее. В конце переулочка показался мужчина. Орнела отодвинулась глубже в заросли, затаилась. Вот он подошел ближе. Фантино? Да, Фантино! У нее забило сердце, стало страшно. Что, как он ее здесь увидит?! Она смотрела, почти не дыша, ждала...

Наконец, из школьных ворот вышла Мирабела. Одна, последней вышла. Ждала, когда все разойдутся? Подошла к своей машине. Фантино пошел ей навстречу. Орнела увидела, как он обнял Белу, поцеловал в висок. Прямо на улице! Орнела почувствовала, как сердце ее ослабло. Подкатила тошнота. Она вдохнула глубоко раз, другой – справилась с собой. Смотрела сквозь листья. Они сели в машину. Было видно, как они потянулись друг к другу. «Целуются!» – прошептала одними губами Орнела.

Машина поехала. Орнела еще посидела в своем укрытии, стараясь отдышаться. «Сейчас об этом не буду думать, – мелькнула почему-то в сознании присказка ее любимой книжной героини. – Потом, потом. Сейчас не буду». Она осторожно вылезла, быстро пошла прочь от школы. Вышла на большую улицу, там пошла медленно, прогуливаясь, с легкой мечтательной улыбкой: все у нее лучше всех.

Она вошла в лавку, поболтала с сеньором Даниэле, хозяином: «...какая чудная погода, давно не гуляла, не могу надышаться, не хочется возвращаться домой, но надо, Сандра будет волноваться...». Купила оливок. Пошла медленно, гуляя, домой.

У дома Орнела развязала кокетливый бантик из соломенного жгута, сняла вощеную бумагу, закрывавшую банку с оливками, выбросила в кусты добрую треть содержимого банки и скомканную бумагу. Вошла в кухню, поставила банку на стол:

– Вот, Сандрина, немного еще осталось.

– Сумасшедшая, – засмеялась Сандра, – разве можно столько соленого!

– Теперь пить хочу. Обедать не буду. – Орнела взяла кувшин с домашним лимонадом, пошла к себе, заперлась, до ужина уже не выходила.

В пятницу приехала Мирабела, привезла гостинцев: свежей моцареллы, плавающей в литровом стеклянном бочонке с обтянутым марлей горлышком, сладкого хлеба с цукатами и миндалем, сваренных в меду апельсиновых ломтиков с корочкой. Орнела расцеловала подругу, усадила за стол, дала новую кружевную салфетку:

– Перетри чашки, Белуча, а я пойду, кофейник поставлю. Попируем с тобой!

Она вышла через кухню на подъездную дорожку, где стоял «Фиат» Мирабелы. Гаечный ключ она запасла заранее: он ждал, подсунутый под горшок с петуниями. Она быстро повернула гайки несколько раз, не до конца, так, чтобы не сразу отвалились...

Фантино пришел домой после работы раньше обычного, бледный, тусклый.

– Фантино, сладкий, что с тобой, тебе нездоровится? – спросила Орнела заботливо, перебирая пальцами его волосы, заглядывая в глаза.

– Нелуча, ты еще не знаешь? – Он отстранил ее руку, спрятал глаза. – Бела разбилась! Машину занесло на повороте. Она свалилась с обрыва.

– Как! – ахнула Орнела и заплакала. Непритворно заплакала. Как жалко было подругу! Она у нее одна была. А теперь уже не будет. Да, Орнела решила: никогда у нее подруг не будет. Горько было Орнеле.

7. Анька

Роскошный дворец бракосочетания на Английской набережной – бывшие великокняжеские хоромы, построенные архитектором Красновским еще в 90-е годы девятнадцатого века – был полон брачующимися.

Пары, окруженные родственниками, толпились, смущенно перешептываясь. Женихи стеснялись уходить курить, но те, у кого очередь была подальше, все-таки выходили ненадолго, торопливо пыхали «Примой», а некоторые специально купленным к случаю дорогим «Родопи»; с виноватым видом возвращались к невестам. Невесты курить не бегали, стояли неподвижно, опасливо – боялись помять наряды.

Анька в дорогом, из валютной «Березки», платье, на высоких платформах, с зачесанными назад, залитыми лаком волосами, на которые прицеплены были шиньон «ба-бетта» и капроновая фата, с голубыми, на все веко, польскими тенями и густым слоем туши на ресницах, сама себе казалась сказочной принцессой.

Стоявший рядом Ершов смущенно оглядывался, стесняясь пышности Анькиного наряда. К тому же он все время боялся, что Анька навернется с дурацких платформ.

Сам он чувствовал себя немного деревянным в темно-синем, железно отутюженном костюме, узковатом для его натренированных плеч. На костюм валютных бонов не хватило, но мать побегала, повисела на телефоне – купили в комиссионке, – не новый, зато импортный. В нем Ванька на вручение диплома ходил, а теперь вот и свадьба, так что костюмец себя оправдывал.

А вот что с Анькиным платьем потом делать? Денег на него вбухали не слабо, а куда его после свадьбы девать? Анька, правда, щебетала, когда покупали, что, мол, «такое платье с руками оторвут, и даже дороже, так что, Ванечка, еще и нагреем на нем!»

– Только меня в это не втягивай. Я тебе не торгаш, – ворчал Ванька.

– Ну что ты, Ванечка, – закатывала глаза Анька. – Ты и не заметишь, как все будет тип-топ.

И откуда только набралась таких гримас и словечек!

Когда они, через пять лет после школьного выпускного, снова увиделись на пятилетию выпуска класса и стали «встречаться», Ванька понял, что Анька здорово изменилась. В ней появилась уверенность, «знание жизни». Ванька только удивлялся, что Анька, – плакса и заморыш, «Крича несчастная», как ее звали в классе, – знала в Ленинграде все и всех, могла достать самиздатовские книги, билеты на дефицитный спектакль; могла, повисев на телефоне, раздобыть любую шмотку.

Тогда, в седьмом классе, когда Ванька узнал, что Анька заболела, сразу подумал: из-за него. Узнать, где она, было не трудно. На классном часе Алевтина, училка, объявила, что Кричевская в больнице, и спросила, кто пойдет ее навестить. Ванька сразу поднял руку, получил бумажку с адресом больницы и шестьдесят копеек из классной кассы, чтобы купить навещающей яблочко и открытку «от всех». Никто не удивился, что он вызвался идти в больницу: все давно привыкли, что «Ёрш с Кричей возится».

Ванька чувствовал себя виноватым и хотел как-то загладить вину, чтобы противное чувство, что Анька больна из-за него, перестало скрести. Потому и пошел в больницу.

Сначала его послали к сестре-хозяйке за чистым халатом, хотя он был совсем не прочь надеть тот, что выдали в гардеробе. Потом пришла врач и велела зайти с ней в ее кабинет. Она забрала у Ваньки авоську с яблоками и потом долго объясняла, что Аньку нельзя волновать, – как будто он собирался ее волновать, – что говорить нужно только хорошее, веселое, и говорить самому, а Аньку ни о чем не спрашивать, так как ей говорить нельзя; что быть в палате

можно только несколько минут. Ванька не очень-то прислушивался, думал: «Важничает врачиха, обычное дело».

Врач сама проводила его, отворила дверь, вошла вместе с ним в палату. Это была маленькая комнатка с одним высоким окном, снизу занавешенным на половину высоты белыми марлевыми, на натянутых резиночках, занавесками. Единственная кровать стояла не у стены, а посреди комнаты; вокруг нее толпились какие-то длинные палки с нацепленными на них перевернутыми бутылками; от бутылок к кровати тянулись трубочки.

Ванька не сразу нашел глазами Аньку, а когда увидел ее, почти не узнал. Из-под белой простыни торчал очень острый и желтый подбородок, носа и щек не было: они были спрятаны под большим конусом резиновой маски, к которой тянулась трубка. Поверх простыни лежали веточки почти таких же белых, как простыня, рук. В одну руку была воткнута прижатая пластырем иголка, от нее тоже тянулась трубочка. Глаза, почти исчезнувшие под маской, были закрыты.

Анька услышала, что кто-то вошел: ее веки дрогнули и глаза медленно приоткрылись. Анька посмотрела сонно и мутно, глаза снова закрылись.

– Анечка, из школы к тебе. – Услышал Ванька тихий голос докторши.

Анькины глаза опять открылись, и Ванька понял, что Анька его видит. Он подвинулся к кровати, хотел что-то сказать, и вдруг почувствовал, что не может говорить... что если откроет сейчас рот и что-то произнесет, то разревется позорно, как девчонка. Он увидел, что Анька пошевелила пальцами той руки, что была без иголки. Ванька оглянулся на докторшу, та кивнула. Тогда он взял Анькины пальцы в свои, пожал тихонько. Ее пальцы были сухими, тоненькими и страшно холодными, как прутьики дерева зимой. Они едва заметно шевельнулись в ответ.

Анька пролежала в больнице долго, потом ездила куда-то в санаторий, так что в класс она вернулась только в конце весны. Ершов все время сидел за их с Кричевской партой один, никого не пускал садиться на Анькино место. Про Нину он почти забыл. Разве только... да нет, забыл, забыл. Когда Анька вернулась, уже скоро было лето, каникулы. На следующий год все пошло, как всегда: они сидели за одной партой и, хотя особенной дружбы между ними не было, Анька опять чувствовала, что она у Ваньки «под крылом».

Потом была лихорадка выпускных экзаменов, поступления... Поступили оба, но в разные ВУЗы. Совсем перестали видеться, и только через пять лет, когда уже заканчивали институт, встретились опять.

Анька училась в кораблестроительном, но не на инженерном, а на экономическом. Ванька, вопреки уговорам родителей идти учиться на искусствоведа – была возможность распределиться в музейный комплекс Эрмитажа, – вслед за дворовым дружкой Ленькой поступил в метеорологический. Отличник Ленька прошел на океанологию: туда был самый высокий проходной. Ванька не добрал баллов, пришлось идти на аэрологию. Впрочем, он не разочаровался: учиться было интересно.

Ленька жил в соседнем подъезде. Они с Ванькой подружились, еще когда были в детском саду, но в школу Леньку отдали другую – не в «спец», как Ваньку, а в обычную, но с большим прицепом: музыкалкой. Виделись они только после уроков, во дворе, но дружили крепко. Они были совсем разными. Ленька толстоват, нетороплив, неловок. Ванька как ни старался, так и не смог увлечь друга спортом.

Ленькин отец был полярником, ездил в настоящие экспедиции в Заполярье, на льдины, и даже два раза бывал в Антарктиде. Один раз Ленька позвал Ваньку провожать отца в порт. Их пустили на корабль. Пацаны облазили его весь. Корабль был совсем не похож на другие суда, стоявшие в порту: ярко красный, с торчащими над палубой стрелами кранов и приборов.

В девятом классе Ленька подарил Ваньке на день рождения небольшой, с ладонь величиной, серый с черными вкраплениями кусок гранита – камень с антарктической станции.

Камень привез из экспедиции Ленкин отец. Ванька сам смастерил из куска плексигласа подставку, и камень, как самая ценная вещь, всегда стоял на тумбочке возле дивана, на котором Ванька спал.

После четвертого курса оба – и Ванька, и Ленка – проходили практику в НИИ Арктики. Во время распределения Ванька сам вызвался ехать на работу в одну из самых отдаленных точек, в Амдерму – крохотный поселок на берегу Карского моря.

Когда он сказал Аньке, с которой после той встречи выпускников иногда виделся, а по телефону говорил частенько, что получил распределение в Заполярье, в трубке наступило молчание, но недолгое: Анька вздохнула и вдруг сказала:

– Ну что ж, Заполярье, так Заполярье. Когда едем?

Ванька удивился:

– Как это – едем? Ты что, тоже в Арктику распределилась?

– Если мы поженимся, мне дадут свободный диплом... Ванька как-то опешил. Конечно, они в последние месяцы встречались иногда, но ничего особенного между ними не было, никаких таких объятий-поцелуев: друзья, вот и все. Анька обычно сама звонила ему. Это бывало ближе к концу недели. Она шутила:

– Ну как, Ершов, какая там у вас в вашей метеоканцелярии погода планируется на выходной? Опять дождь? Ну попроси там, чтобы солнышко вышло, что тебе стоит? Я приглашение на слет кустов достала.

Ванька удивлялся:

– Каких еще кустов? Что за сюр?

– Ну Ершов, ты опять не в теме, – голос Аньки звучал насмешливо. – Бардовских кустов. Да-а, надо тебя просвещать, Ершов. А то с тобой стыдно к приличным людям показаться. Так и быть, возьму тебя, приглашение на двоих.

Анькин приятель по музыкальной школе и бывший предмет ее детской влюбленности, солист-скрипач Вовка, сколотил рок-группу, которая скоро приобрела в Ленинграде неофициальную, но тем более громкую популярность. Иван с изумлением и тайной гордостью видел, что Анька совсем «своя» в кругу этих, быстро становящихся молодежными кумирами, ребят.

Он долго боялся показать Аньку своему главному другу. Боялся, что бойкий на язык Ленчик иронично пройдет по Анькиной серенькой внешности. Сам Леня, несмотря на полноту, ухаживал за Людушей, первой красавицей их курса, и по всему было видно, ухаживал не без успеха. Начитанный, юморной, музыкальный, играющий на фортепиано – он умел быть интересным с девушками.

Вопреки страхам, Ленчику Анька сразу понравилась, они подружились. Сошлись они на музыке, на обмене пластинками, а еще больше на том, что оба были остры на язык и с удовольствием перебрасывались друг с другом убийственными словесными шаржами на общих знакомых.

Не упускали они случая и пикироваться между собой. Ленка выдумывал для нее разные имена: Анхен, Анчита, Анисья, Антоха, Атошка и даже Антей. Пару раз пробовал назвать ее Нюркой, но получил такой мощный отпор, с намеком на Леонида Ильича, что прикусил язык и никогда больше не называл Аньку не понравившимся ей именем. Однако Людуша ухватила за него и стала звать Аньку Нюшей.

Они вчетвером ходили на концерты и в музеи: Ленка с Людушей, Ванька с Анькой. Ходили всегда по-дружески: за билеты, за чай в буфете каждый платил сам за себя. Ванька пытался заплатить за двоих, но Анька не соглашалась. А теперь вот такой сюрприз по телефону: «если мы поженимся»...

– ... Ау, где ты? – услышал он в трубке насмешливый голос Аньки. – Ты что там притих?

– Ничего, – сказал Ванька. – Просто думаю о том, что ты сказала.

– А что тут думать, – уверенно сказала Анька. – Просто женимся да и все тут.

8. Адриано

Мирабела осталась жива, только побилась сильно. Долго возил ее отец из одного госпиталя в другой, все что-то не ладилось. Наконец, совсем увез в Геную.

Жизнь потекла по-прежнему. Фантино мало бывал дома. Гостя у матери, Орнела однажды достала свои старые книжки, стала листать, рассматривать. Затосковало сердце, захотелось снова читать, учиться. На другой день она попросила мужа повезти ее в библиотеку, что была при церкви, попросила книжек потолще, и чтобы про любовь. Библиотекарь, сеньор Фабрицио, дал ей четыре книжки:

– Вот, Нелита, почитай русское. Ты умница, тебе будет интересно. Здесь и про любовь, и про все.

«Война и мир», – прочла Орнела название.

– Да точно ли здесь про любовь, сеньор Фабрицио? Не для мужчин ли эта книга?

– А вот почитай, а потом скажешь мне: для мужчин или нет.

Орнела начала читать. Первые страницы показались забавными: русская книга, а начинается по-французски. Было приятно, что она все понимает. Французский был в школе; она была первая в классе, даже получила награду: альбом с видами Парижа. Понимая разговоры, она все-таки никак не могла вникнуть в суть. В школе учили про Напо-леоновы войны, но ничего – про Россию.

Скоро герои книги обступили ее, как живые, втянули в свою бытность, заботы, беды. Скуки, томления от утра до вечера как не бывало. Она видела себя то Натали, то красавицей Элен, то умным и беззащитным Пьером, то Мари. Она придумывала продолжения разговоров и, как в бреду, бормотала диалоги, которых не было в книге. Она нашла в доме матери старую свою школьную карту, хотела посмотреть, где эта земля: где Смоленск, Торжок и Москва. Но увидела на карте только огромное, несоизмеримое с Италией, пустое, без всяких надписей – только маленькие буквы «ссср» – пространство.

Чаще всего она представляла себе Андре. Она додумывала его жизнь, сочиняла то, что было с ним между событиями книги, рисовала в своем воображении, как он говорил, ел, ходил, и... – ах, он был совсем не похож на Фанти-но! Втайне, про себя, она решила, что если будет сын, она назовет его в честь Андре: Адриано.

Младенец родился толстый, здоровый, с темными волосиками и сразу темными, в отца, глазками. Дон Камбиазо прислал няньку, велел поселить ее в доме, чтобы помогала ходить за младенцем. Ночью нянька вскакивала раньше Орнелы, переодевала младенца, подносила ей – кормить.

Орнела не хотела няньки, стеснялась ее – опытной, профессиональной – боялась при ней посюсюкать, потешиться сыночком. Ей бы самой, чтобы никто не мешал, но не скажешь ничего: воля свекра. От прабабушки к бабузе, дальше к матери и, наконец к ней самой непреложным законом переходило и укладывалось в голове: воля мужчины – закон. И в который раз неясным, темным облаком клубился в ее сердце вопрос: почему? Почему я должна подчиняться мужчине? Только потому, что я – женщина? Разве я хуже его? Глупее? Разве из его тела выходит это чудо: новая жизнь?! Разве от него зависит, жив ли сынок, сыт ли, доволен ли, здоров ли?

Орнела замирала, поднося к груди маленького Нано. Сидела долго, не шевелясь, чувствуя, как, насыщаясь, тяжелеет маленькое тельце, глядя, как медленно опускаются темные пушистые реснички, как расцветают румянцем смуглые щечки, как жадное голодное сопенье становится спокойным глубоким дыханием. Сынок спал, а она все сидела, держа его на руках, отдаляя момент, когда надо будет встать и положить его в кроватку. Он был ее – только ее, по-настоящему ее. Кроме него все в этом доме было чужое. Даже муж, красавчик Фантино, сладкий Фантино, больше не был своим. После Белучи?! Как не носила она дареных Белучей поношенных платьев, так и не могла больше быть с Фантино.

А тому, казалось, только того и надо! Все реже видела Орнела мужа. Он уже и не пытался скрывать, что развлекается, а не сидит допоздна в магазине. Приходил в конце дня домой, переодевался, надевал шелковую рубашку, красивый галстук.

- Фантино, ты опять уходишь на весь вечер? Опять дела? – спрашивала Орнела.
- Нелуча, ты же знаешь, работы – гора.
- А зачем костюм, галстук новый?
- Ах, Нелуча... Важная встреча в ресторане. Для бизнеса важная.

– Может быть, вместе пойдем? – спрашивала Орне-ла. – Я так давно не была в ресторане!
– Ты была в воскресенье в церкви. И на обеде в доме моей матери. Нелуча, что за разговоры! Ты женщина! Думай о кухне, о доме, о втором ребенке, а не о ресторанах.

– О втором ребенке! Откуда он возьмется, объясни! – начинала поднимать голос Орнела. – Ты приходишь ночью, от тебя пахнет вином! Я не Святая Дева, чтобы зачать ребенка – мне нужен мужчина!

– Ты сама уходишь спать в детскую! – начинал злиться муж.

– Я не могу спать с тобой, когда от тебя несет, как от старого пьяницы!

– Это тебя не касается! – уже кричал Фантино. Ангельские глаза его делались красными, округлялись, выпучивались, казалось – выпрыгнут вон. Тонкие черные усики некрасиво топорщились, в них застревали брызги слюны.

– Ты забыла, кто из нас мужчина? Помни свое место! – И он уходил, хлопнув дверью. Орнела глотала слезы и вспоминала отца. Чем же муж лучше? Так же хочет запереть ее в кухне.

Однажды ночью – Орнела давно спала – она вдруг почувствовала, как с нее сдернули одеяло. Фантино голый, с вздыбленной плотью, стоял над ней. Она отодвинулась к краю кровати, поспешно одергивая задравшуюся ночную сорочку. Он бросился и грубо овладел ею. Она не издала ни звука. Когда он отвалился, она молча поднялась, зажала руками у шеи разорвавшуюся сорочку, босиком пошла в ванную, заперлась там. Возилась долго. Потом прошла в детскую и не выходила оттуда до утра, пока муж не уехал в магазин.

Утром Нано проснулся голодный, жадно хватал грудь. Орнела покормила ребенка, поела сама. Велела няньке собрать прогулочную сумку:

– Собирай на целый день, Лучьяна, я к матери поеду. Ты можешь тоже пойти домой до завтра, я там заночую.

На дно сумки вместе с детскими вещичками и сменными пеленками Орнела сунула свои документы, свидетельство ребенка. Туда же затолкала старую юбку, толстый свитер и стоптанные башмаки; поставила сумку в нижнюю корзинку детской коляски. На дно коляски, под кружевную простынку, подсунула теплое одеяльце. Потом пошла в ванную, заперлась.

Из шкафа под раковиной, из плоского чемоданчика с мелкими домашними инструментами, достала плоскогубцы. Задрала свою тонкую, в «полусолнце» юбку, прикрыла тканью голую нежную кожу на внутренней стороне бедра и сильно, как могла сильно, сквозь ткань прищемила кожу плоскогубцами. От боли вспыхнуло багрово перед глазами, вспотел лоб. Орнела отдышалась и прищемила кожу опять, чуть выше, и еще раз, и еще. Затоснило, все поплыло перед глазами. Она помедлила немного, приходя в себя. Потом намочила полотенце и зажгла стоящую у ванны ароматическую свечу. Спустила трусы, обнажила низ живота и поднесла свечу. Вспыхнули волосы, опалилась кожа. Орнела до крови прикусила губу, чтобы не закричать. Прижала мокрое полотенце к опаленной коже. Постояла, согнувшись, опершись руками о ванну, хватая открытым ртом воздух. Включила воду и, наклонив голову, напилась из-под крана. Потом умылась, пригладила перед зеркалом волосы...

...Орнела с коляской забралась в автобус, но не вышла у дома матери, а поехала дальше, все вниз, вдоль струившегося на дне глубокого оврага ручья, мимо разноцветных зеленоглазых домиков, веселою гурьбою сбегающих к морю. Автобус остановился в центре Варацце. Там она села в другой, шедший в Геную. Она вышла на Сан-Лазарино, у порта. Куда поедет дальше – она не знала. Все равно, лишь бы не нашли. По расписанию ближайший паром был на Ол-бию. «Сардиния? Ну и что! – подумала Орнела. – Дед был родом с Корсики. Совсем рядом». Она купила билет и через полчаса уже сидела в верхнем салоне парома. Адриано тихо посапывал рядом в коляске.

Когда паром отошел от пристани, Орнела пошла в туалетную комнату, – еле втиснулась туда с коляской. Переоделась в старую юбку и башмаки. Оглядела ляжки, живот. На ногах

багровели кровоподтеки; некоторые раны, растертые при ходьбе, кровоточили, другие начали наливаться лиловой теменью. Сынок серьезно смотрел из коляски, будто что-то понимал.

В Олбию паром пришел поздно вечером. Орнела вышла из порта, огляделась. Спросила у прохожего, где ближайший полицейский участок и направилась напрямик туда.

В небольшой комнате было тепло, пронзительный белый свет бил в глаза; по стенам стояли казенные, обтянутые коленкором лавки, над ними развешаны муниципальные плакаты, списки номеров телефонов. За длинной стойкой, делившей комнату на две части, среди телефонных аппаратов сидел дежурный.

Орнела вошла, толкая перед собой коляску с возившимся в ней и начавшим пищать Адриано. Она сняла куртку, бросила ее на ближайшую лавку, устало опустилась рядом. Поставила коляску прямо перед собой. Скинула с ног туфли, осталась в чулках, пошевелила пальцами ног. На одной ноге у большого пальца чулок дал стрелку, палец выглядывал в круглую дырочку. Наклонившись над ребенком, Орнела начала распеленывать его. Ребенок кричал все громче.

– Голодный, – извиняющимся голосом проговорила Орнела, улыбаясь в сторону дежурного. Тот смотрел молча, хмурился. «Сердитый какой, – подумала Орнела, – а ничего, форма идет ему. Толстоватый только, но не старый еще».

Она перепеленала младенца, взяла его на руки и сунула ему грудь. Стало тихо. Держа ребенка у груди, она привалилась спиной к стене, прикрыла глаза. Сразу все поплыло; она испугалась, что упадет, раскрыла широко глаза, потрясла головой.

– Устала сильно, – снова произнесла она, взглянув на полицейского, как будто извиняясь.

Потом дежурный долго расспрашивал, переписывал ее и ребенка документы. Он позвонил по телефону и вскоре пришла медсестра в длинном монашеском белом платье и в белой, как вуаль падающей сзади на плечи, косынке. Она увела Орнелу в маленькую комнатку с кушеткой. Орнела разделась, показала синяки и опаленный живот; на дотошные вопросы долго отнекивалась, но потом рассказала все-таки и про смесь мыла и уксуса, которую использовала ночью. Девчонки в школе, она помнила, говорили: это верный способ, чтобы не забеременеть. Медсестра принялась заполнять бумаги. Потом осматривала Адриано. Малыш проснулся, но не раскричался: улыбался, довольный, что с ним занимаются.

Опять вернулись в комнату дежурного. Он достал толстую книгу и начал монотонно читать. Орнела внимательно слушала, старалась не пропустить ни слова. Полицейский читал про право на судебный иск за истязания в семье, про право на развод по недавно принятому закону от 1970 года, про «сепарационе» – 5 лет обязательного раздельного проживания супругов до того, как официально развод вступит в силу, про право на обязательное восьмилетнее образование, про алименты, про медицинскую помощь.

Потом дежурный положил перед Орнелой образец, велел по нему написать заявление об истязании в семье и начал объяснять, что по этому заявлению ей и ребенку будет предоставлен адвокат, а также лечение в больнице, приют при церкви и возможность работать по муниципальной программе после выздоровления.

Орнела силилась слушать, но слова плыли мимо. Красный жар пылал под веками, застилал глаза; в ушах звенело, саднили раны, спина покрылась испариной. Снизу живота, отдаваясь в поясницу, поднималась тягучая боль. Хотелось лечь, забыться. Голос дежурного стал глухими ударами бить в уши. Она попыталась встать, чтобы прогнать сон, но в глазах потемнело, она осела на пол, потеряла сознание.

9. Амдерма

Самолет на Архангельск в сентябре бывал набит под завязку. Архангельск – пересадочный аэропорт для всех, кто летает в один из поселков, прилепившихся на закаменевшем от холода берегу Ледовитого океана: в Амдер-му, Хатангу, Тикси, Диксон, ЗФИ (Земля Франса Иосифа). В основном летали военные, врачи, учителя, строители и метеорологи. Сентябрь – начало зимовки. Контрактники толпами возвращались на «северá», отгуляв свои двойные, сорокапятисуточные отпуска, щедро осыпав курорты Черного моря «длинным» северным рублем.

Многие ехали с детьми: учебный год в Заполярье начинался не первого сентября, как во всех советских школах, а пятнадцатого. Заканчивался же на две недели раньше, пятнадцатого апреля. Так северным, по полгода не видевшим дневного света детишкам, вывозимым родителями «на землю» на время каникул, устраивали возможность на целый месяц продлить лето.

Ванька уже сдал в багаж свой небольшой, полупустой чемодан. Провожавшая его Анька почти висела у него на одном плече. На другом болтался вещмешок, тоже не сильно набитый. Перед самым отъездом мужики в Гидромете, которые «отсидели» не одну зимовку, советовали:

– Не заморачивайся, Иван, со шмотками. Там все есть. Унты собачьи, тулуп из овчины у военных летчиков добудешь, штаны ватные в стройбате есть, а пары свитеров тебе на два года – за глаза. А если хочешь в цивильном, так у Надюши в магазине «Арктика» шмотки получше, чем на «земле». Там и шубы из цигейки, и шапки кроличьи свободно лежат. А если понравишься, она тебе и пыжиковую придержит. А как наедут ненцы – они всегда перед полярной ночью за водкой приезжают, штук шесть саней с собаками каждый раз пригоняют, – так у них шкурки песка купишь для жены, чтобы не мерзла. Шкурка – две пол-литры. Смотри только, чтобы белые были, без желтизны, а то рыбьим жиром провоняет. Ну там тебе подскажут. Там есть такой Костя, алкоголик... его если трезвым поймать, на замок запереть – он такие шапки сошьет, никакому ГУМу не снилось! Будет твоя – как королева.

– Да не едет она, – краснея, бормотал Ванька, – ей в институте аспирантура светит, так что...

– О, плохо, это плохо, тезка, – скороговоркой вступал бывалый полярник, только что сменившийся начальник амдерминского метеоузла, Иван Никитич Кедрован. – Без жены плохо, тяжело. Спиваются, которые без жен, так-то, тезка, – он вздыхал порывисто, замолкал на минуту.

Была в его жизни ситуация, после которой он завязал с выпивкой навсегда. Рассказывать об этом Кедрован не любил, но все в институте почему-то знали, что однажды, сидя в Заполярье несколько месяцев без жены, он вдруг так запил, что дошел до критической точки: очнулся в морге. После того случая – как отрезало: не брал в рот ничего крепче чая – ромашкового, чабрецового или липового – смотря по сезону.

– Да я бы не против, чтобы с женой, Иван Никитич, но куда ей на Север. Она в школе тяжелое воспаление легких перенесла, еле вытащили.

– Ну да, ну да, – бормотал Кедрован. – А вообще, плохо, плохо без жены... Ты как вообще, употребляешь?

– Нет, что вы, – улыбался Иван. – Я же спортсмен.

– Вот, правильно, тезка. Так и держись, так и держись... Объявили посадку. Анька поднялась на цыпочки, прижалась к Ванькиному плечу, зашептала в ухо:

– Ванечка, береги себя, одевайся тепло, ешь побольше. А я здесь все вверх дном переверну, на следующий год и ты в аспирантуру приедешь. И кооператив нам устрою, зацепка уже есть. Ты, главное, деньги экономь, чтобы уже через год первый взнос внести можно было.

Казалось бы: Север, дикий край, а лету до Архангельска из Москвы всего два часа. В Архангельске пересели на маленький Ан-24. Ванька сел у окна. Под крылом лес становился все жиже, скоро деревья совсем исчезли, потянулась бурая пустыня тундры. Потом замелькали голубые блестящие пятна – озера, болота. Их становилось все больше, кое-где они были обрамлены белым. Ванька удивился, спросил соседа:

– Что это, уже снег выпал?

Сосед перегнулся через него, глянул, сказал небрежно: – Может, сентябрь уже. А может, и прошлогодний. Заледенел и лежит.

Самолетик стал заходить на посадку. Мелькнула темная масса океана с разбросанными по почти черной воде белыми пятнами льдов, несколько домиков на берегу. «Это что же, и вся Амдерма?» – подумал Иван.

Самолет коснулся полосы, побежал вдоль темной воды залива и остановился перед крашеным в желтое одноэтажным домиком с аэровышкой, торчащей над крышей.

Встречал его молодой гидролог Толя, из Киева. Он забросил чемодан в буро-зеленый военный «ГАЗик», хлопнул по сиденью рядом:

– Садись, Иван, сейчас экскурсию тебе устрою. Ты первый раз на Севере?

– Ну да, я только что из института.

– Ну что ты! У нас здесь!.. Тебе понравится. Вот, видишь, Карское море! Рыбы полно!.. Ты рыбак?

– Ну так, немного...

– Да это не важно! У нас на станции рыбы полно. Прямо иди в сарай, на лёдник, бери сколько хочешь. Жена пирогов напечет. Жена-то приедет?

– Пока не знаю.

– Приедет, конечно! Здесь жены нужны... Так что рыбу бери. Мы, ну те, кто ловит, там всегда оставляем – для общества.

– Понятно, – проямлил Иван, хотя не очень-то понял.

Толик говорил без умолку:

– Видишь, как дорога идет – по перешейку, между морем и заливом. Красота! А вот и мост. Новый! – Машина прогрохотала по бревнам моста. А вон там видишь, вдали? Ну на берегу черные пятна – видишь?

– Ну да, вижу, – нерешительно сказал Иван.

– Черные скалы! Начало Уральских гор, между прочим! Весной, в апреле, как солнце выйдет, на лыжах там кататься – класс. Я в прошлом году четыре лыжины сломал. Как съедешь с горы – и в море! Катишь, катишь... скорость! Все в ушах свистит! А там – торосы. Ну и обязательно налетишь. Кайф!

Дорога оказалась недолгой, минут через двадцать Толик остановил машину. Метеостанция располагалась на холме, за поселком. Она состояла из двух деревянных построек на сваях: сам рабочий метеоцентр с радиовышкой и длинный барак с высоким крыльцом и несколькими окнами – жилой корпус. Неподалеку от станции, обнесенные высоким забором из металлических прутьев, на бетонированной площадке размещались метеоприборы.

Между этими тремя объектами, тоже на сваях, на метр приподнятая над землей, была проложена дорожка: дощатый настил. Вдоль дорожки тянулся от строений и уходил вниз, в поселок, бесконечно длинный деревянный короб, в котором, утепленные стекловатой, прятались водопроводные трубы и электрические кабели.

Ваньке дали комнату: маленькую, но зато отдельную, и с мебелью. Кровать, этажерка, две тумбочки, два стула, стол, узкий высокий шкаф для одежды. В маленьком закутке, отделенном от комнаты занавеской на резинке, обнаружилась раковина с торчащим над ней латунным краном. Толик положил ключ на стол:

– Ну вот, Иван, тебе и ключ от квартиры, где деньги будут лежать, – он засмеялся: – Тратить-то не на что! У нас, правда, почти никто не запирает. Да никто и не войдет. Только если пригласишь, – он опять посмеялся. – Вот здесь, в тумбочке – белье, полотенца. Кухня в конце коридора, удобства в сенях. Баня бывает два раза в неделю у строителей, машина от станции идет. Ну это по ходу дела узнаешь. Тулуп в коридоре будешь вешать, унты – тоже там. Ты давай пока так, в своем, а на днях я договорюсь, тулуп тебе к зиме справим. Вот здесь, смотри, под окном, видишь? – Дверцы! Как думаешь, что там?

– Батарея, наверное... отопление?

– А вот и не батарея! – Толик засмеялся довольно. – Батарея у тебя вдоль перегородки. Чтобы не на наружной стене, значит, а то тепло зря будет уходить. А это – смотри! – он отодвинул засов и распахнул толстые, утепленные ватой и обшитые дерматином, дверцы. За ними оказался встроенный в толщу стены небольшой шкаф.

– Холодильник! Сюда продукты кладешь – и все холодное! Лучше, чем ЗИЛ. Ну устраивайся и приходи на станцию, познакомим тебя с рабочим местом.

И Ванька начал работать. Зима настала быстро, к концу октября уже все вокруг покрылось снежными сугробами. Под домом, вокруг свай, снег выдувало, он скапливался в длинную насыпь, которая скоро доросла до середины окон, заслонила свет. Но света и без того становилось все меньше, и наконец день съезжился до получасовых зыбких сумерек.

Остальное время было темно, но не мрачно: пышный снежный покров поблескивал в свете фонарей, окружающих станцию; а в особенно морозную погоду, когда появлялась низкая луна, или зелеными волнами разливалось по небу северное сияние, снег сверкал колючими искрами.

Внутри их длинного дома – бревенчатого, обшитого снаружи тесом – ярко горело электричество, стены покрывали буйно растущие зеленые выюны. Жены метеорологов старались, озеленяли как могли. Коллектив был небольшой, дружный. После работы собирались в большой общей кухне, запекали в печке рыбину, ужинали вместе, пели под гитару, придумывали «Огонек» к Новому Году.

Работы было много. Ванька освоил приборы, научился управляться с телеграфом, радио-передатчиком. Основной его заботой были зонды. Ему нравилось выходить ранним утром на площадку, готовить зонд. Снег хрустел под унтами, разбавлял белизной непроглядную тьму неба и морозный воздух казался густо-синим.

Раз в неделю, по субботам, в Ленинградском Институте Арктики устраивали радиосеансы связи для семей полярников. Анька исправно, каждую субботу, приходила в Институт на сеанс. Она быстро, бодрым голосом прочитывала заготовленный текст – о родителях, о своих делах в аспирантуре, перечисляла имена знакомых, передающих ему привет. Потом вздыхала: «Остальное в письме».

Письма тоже приходили часто: рейс самолета, если погода летная, бывал раз в неделю. В письмах Анька подробно рассказывала, куда и с кем ходила, что видела в театре, но больше всего – о кооперативе, о том, как она ищет туда лазейку. Иван опять удивлялся, что Анька оказалась такой пробивной.

Вечерами, лежа на узкой панцирной кровати, он прислушивался к завыванию метели внизу, между сваями. В эти минуты становилось одиноко, тоскливо. Хотелось почувствовать под рукой хрупкие Анькины косточки, доверчиво прижимающиеся к нему, как будто ищущие защиты под его бугристыми бицепсами. Он вспоминал, как школьница Анька лежала на больничной койке, вся опутанная трубками, проткнутая иглами, и гнал от себя мысль о ее приезде. Ему было страшно думать, что Анька – худая, маленькая – окажется здесь, на крайнем севере: будет питаться консервами и сушеной, размоченной перед приготовлением, картошкой, будет носить на своих худеньких плечиках тяжелый овчинный тулуп и выходить на улицу, держа перед лицом «телевизор» – кусок закругленного с двух сторон плексигласа с приделанной к

нему палкой-рукояткой. «Телевизором» здесь защищались от ветра, хлещущего в лицо колкой снежной крошкой.

В письмах к Аньке он рассказывал про разные случаи: как артисты приезжали, которые в кино «Земля Санникова» снимались; как ветром девчонку-второклашку унесло в море, и весь поселок искал ее целые почти сутки, и как нашли ее живую, спящую под торосом, почти полностью занесенную снегом; как белый медведь, привлеченный запахом кухни, повадился лазить во двор детского сада, и как для него стали вывозить за поселок бочку с пищевыми отходами – чтобы не лез к людям. Он описывал северную экзотику, шутил и к себе не звал.

10. Педро

В большом зале колледжа торгового флота при Военно-Морской Академии в Ла Специя торжественное событие: вручение дипломов выпускникам колледжа 1978 года. Факультет судовождения сегодня выпускает 193 кадета по специальности «младший палубный специалист торгового флота». Из них 27 – девушки.

Орнела – в кадетской парадной форме, с гладко причесанными назад в хвостик волосами, без косметики – сидит в первом ряду и с замирающим сердцем ждет своей очереди подняться на сцену. Там сверкают золотыми нашивками сидящие в два ряда преподаватели и высшие офицеры Академии.

Где-то в задних рядах, амфитеатром поднимающихся к потолку зала, и – она знает! – не сводя глаз с ее затылка, сидит и волнуется Педро, ее надежный и единственный друг.

Конечно, за три года в колледже вокруг нее образовалось множество подружек и друзей. С друзьями-ребятами понятно, мимо нее еще ни один не проходил, не пытаясь познакомиться. Красивая! Да их дружба – мусор. Она их презирала. Подружки девчонки – без них нельзя, пусть выются, но только душевных подруг ей не надо. У нее уже была такая, хватит! А настоящий друг один: Педро...

Когда, пять лет назад, Орнела очнулась после обморока, первое, что она увидела – было лицо все того же симпатичного, полноватого полицейского. Подумала было, что она все еще в полиции. Но нет: комната вся белая, кругом перегородки из простыней от потолка до пола – как стены, и лежит она в постели, на узкой кровати. Она огляделась беспокойно, ища глазами.

– Не волнуйтесь, ваш малыш здесь же, в детском отделении. Вы в больнице, – произнес полицейский, улыбаясь.

– В больнице? Почему? – беспокойно спросила Орнела, подтягивая одеяло к подбородку. Она попыталась сесть. Внизу живота тягуче отозвалась боль. Она поморщилась, с усилием выговорила: – Что с Адриано? Где он? Как мы здесь оказались?

Полицейский встал с приставленного к кровати стула, подошел к стене, нажал кнопку, опять сел рядом:

– Адриано в порядке, вам его скоро принесут, – сказал он. – А здесь вы не из-за него, а из-за вас самой. У вас воспаление обнаружили, но похоже, теперь дело пойдет на лад. Вам, видно, лучше.

– А вы, господин полицейский, почему здесь? – тревожно спросила Орнела. – Что-нибудь случилось? Муж меня нашел?

– Пожалуйста, не волнуйтесь и не бойтесь, – полицейский говорил успокаивающим, почти ласковым голосом. – Муж вас нашел – мы ему сообщили, где вы. Ему послали уведомление о гражданском иске по поводу жестокого обращения с членами семьи. Так что не волнуйтесь, он вас не заберет. Как только вы немного поправитесь, к вам придет для беседы адвокат.

– Но господин полицейский... – начала было Орнела, но тот мягко перебил ее:

– Мне будет очень приятно, если вы будете называть меня по имени, Педро.

«Так, подъезжает уже», – подумала Орнела, но вслух произнесла, улыбаясь:

– Конечно, тогда и вы зовите меня просто Нела.

– Ну и прекрасно, надеюсь, мы станем друзьями, – сказал Педро.

«Ну да, все вы друзья, чтобы только под юбку залезть», – злобно подумала Орнела и улыбнулась еще шире:

– Ну конечно, я очень рада. Я ведь никого здесь, в Ол-бии, не знаю. Спасибо вам!

Прошло немного времени, и Орнела уже со страхом думала, что было бы с нею, не встретить она на своем пути Педро. Казалось, у него не было другой заботы, кроме как помогать ей: устраивать ее на работу после выписки из больницы, оформлять документы для маленького

Адриано, которого направили в приют при монастыре в Тем-пио – Орнела поначалу сопротивлялась, но вскоре поняла, что с ребенком на руках не сможет ни работать, ни учиться. Педро подыскивал ей жилье, помогал отвечать на бесконечные вопросы адвоката, заполнял для нее многочисленные бумаги для прошения о разводе. Она задумывалась о причине его участия, догадывалась – и не хотела признаться себе, что догадывается.

– Педро, что бы я делала без тебя? Я тебе – чужой человек, почему ты мне помогаешь? – спрашивала Орнела.

Он смутился, отводил глаза, отвечал напряженным, сдавленным голосом:

– Нела, если не я, то кто? Ведь у тебя здесь никого нет.

– Не было. Теперь есть. Ты. Я таких добрых еще не встречала, – она дотрагивалась до его волос. – Спасибо тебе.

Он густо покраснел, опускал глаза:

– Ну что ты, захвалишь меня... это моя работа, вот и все.

Орнела не могла не замечать, как он прячет глаза, встречаясь с ней взглядом, как жадно смотрит, когда думает, что она не видит. Но она видела, и внутренне съеживалась: ей так хотелось, чтобы он был другом. Только другом...

Орнела стала работать в ресторане: выкладывать приборы и тарелки на сервировочные тележки по утрам и перед вечером, мыть посуду после обеда и ужина, расставлять ее по шкафам. Рабочий день начинался не рано, в 10 утра. Скоро она нашла работу и на утренние часы: в начале седьмого, когда встающее солнце только начинало золотить верхушки сосен, она, вооружившись шваброй и ведром, натянув на руки толстые резиновые перчатки, мыла вестибюль и лестницу в муниципалитете.

Дополнительный заработок был кстати: он позволил работать в ресторане только до пяти. Вечернее время нужно было ей для учебы. С помощью Педро она поступила в вечернюю школу для взрослых.

Все устраивалось неплохо, но чем дальше шло время, тем чаще сердце Орнелы замирало от страха, ладони леденели, лоб покрывался мелким холодным бисером пота. Приближался день, на который было назначено судебное заседание по поводу ее прошения о разводе.

– Чего тебе бояться? – рассуждал Педро. – Суд будет на твоей стороне. По новому закону никто не может допускать насилия в семье.

Что она могла ответить? Как объяснить? Ей легче было сделать то, что она сделала, чем стоять перед судьей и лгать под присягой. Она выдумывала объяснение:

– Педро, ты не женщина, тебе не понять. Для моей семьи то, что я сбежала от мужа – это позор.

– Глупости, Нела. Позор то, что твой муж издевался над тобой. Сестра Мария чуть не плакала, когда рассказывала о том, что увидела на твоём теле. Хорошо еще, что он не тронул младенца!

– Но ведь он никогда не признается в этом! – Орнела вскидывала честные, с плескавшими в них слезами, глаза: – Он будет говорить, что я лгу.

– Совершенно не важно, что он будет говорить, – уверял Педро. – У нас есть официальное медицинское свидетельство, показания сестры Марии, показания доктора. Я уверен, суд примет решение о сепарации, и никто не сможет заставить тебя вернуться к мужу. Потом, когда пройдет положенный срок, получишь и развод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.